

26

МОСКОВСКИХЪ

ЛЖЕ-ПРОРОКОВЪ,

ЛЖЕ-ЮРОДИВЫХЪ,

ДУРЪ

И

ДУРАКОВЪ.

ИЗДАНИЕ Н. БАРКОВА.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ СЕМЕНА.

1865.

9/16/23

0

105 а - 273112

Барков, Н

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

МОСКОВСКИХЪ ЛЖЕ-ПРОРОКОВЪ,

ЛЖЕ-ЮРОДИВЫХЪ,

ДУРЬ И ДУРАКОВЪ.

ИЗДАНИЕ Н. БАРКОВА.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ СЕМЕНА.

1864.

DK

219.3

. B26

Доволено цензурой. Москва, Февраля 19 дня
1864 года.

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Иванъ Яковлевичъ изъ Смоленскихъ священническихъ дѣтей (*), учился въ духовной академіи, жилъ въ Смоленскѣ, занимаясь управленіемъ чего-то, что-то надѣлалъ и ушелъ въ лѣсъ, рѣшившись юродствовать. Крестьяне нашли его въ лѣсу копающимъ палкою землю, безъ шапки и безъ всякаго имущества; они построили ему избушку, стали къ нему ходить и скоро имя Ивана Яковлевича сдѣлалось извѣстнымъ во всей окрест-

(*) Братъ его, Илья Яковлевичъ, былъ въ военной службѣ, достигъ степени капитана, вышелъ въ отставку, и былъ гдѣ-то смотрителемъ. Живетъ онъ въ Москвѣ.

ности. Такое начало подвижнической жизни Ивана Яковлевича было чисто въ древне-русскомъ духѣ. Тогда, обыкновенно, всѣ старцы и старицы уходили въ лѣсъ, въ пустынные мѣста, въ особенности на сѣверъ Новгородской области; у нихъ скоро являлась хижина, иначе келія; проходила по окрестности молва о совершавшихся тамъ явленіяхъ, въ келіи собиралось общество и т. д. Но хижинѣ Ивана Яковлевича не суждено было никакого дальнѣйшаго развитія. Сорокъ три года тому назадъ, жила въ Смоленскѣ одна богатая и знатная барыня; у ней была дочь невѣста, сговоренная за одного изъ военныхъ, отличившихся въ войнѣ 1812 года. Свадьба уже была назначена, но невѣстѣ вздумалось сѣздить къ Ивану Яковлевичу. Вотъ мать и дочь, взявъ съ собой няньку и дѣвку, садятся въ карету, запряженную въ шестерикъ, ѣдутъ въ лѣсъ, входятъ въ хижину Ивана Яковлевича и спрашиваютъ у него: счастлива ли будетъ за мужемъ такая-то раба божія? Иванъ Яковлевичъ, вмѣсто отвѣта, вскаки-

васть съ мѣста , гдѣ сидѣлъ , стучить кулаками о столъ и кричить: «разбойники! воры! бей! бей! ». Воротившись домой , невѣста объявила матери , что она замужъ за своего жениха не пойдетъ , потому что Иванъ Яковлевичъ назвалъ его разбойникомъ. Услышавъ про неожиданный отказъ , женихъ сталъ выпытывать у людей невѣсты причину , и узналъ , что его невѣста была у Ивана Яковлевича , и онъ сказалъ ей что-то очень дурное про ея жениха. Женихъ , это былъ Э—ъ, (*) тотчасъ же отправился къ Ивану Яковлевичу и , рассказывали мнѣ , переломалъ ему ноги , а потомъ просилъ смоленскаго губернатора избавить общество отъ этого изувѣра , который разстраиываетъ семейныя дѣла.

(*) Рассказываютъ еще что женихомъ былъ не Э—ъ , а К— , который впоследствии дѣйствительно оказался воромъ. Неужели въ цѣломъ Смоленскѣ не найдется ни одного человѣка , который собралъ бы тамъ всѣ рассказы про Ивана Яковлевича и возстановилъ ихъ въ настоящемъ видѣ!

Въ Смоленскѣ , разрушенномъ войною, не было тогда дома умалишенныхъ, поэтому тамошній губернаторъ переписался съ московскимъ губернаторомъ (эта переписка вѣроятно цѣла,—издать бы ее!), и вотъ Иванъ Яковлевичъ посаженъ въ московскій «безумный домъ». Невѣста Э—а замужъ не выходила, а пошла въ монастырь, была игуменьей и вела переписку съ Иваномъ Яковлевичемъ. Ёхалъ Иванъ Яковлевичъ въ Москву, а слава его бѣжала впереди и распространяла слухъ, что ѣдетъ пророкъ, чудесно все угадывающій и предсказывающій. И сорокъ-три года прошло ужь, какъ этотъ Иванъ Яковлевичъ, почитаемый равно москвитянками и смольнянками, предсказываетъ имъ о женихахъ, о выздоровленіяхъ, изцѣляетъ больныхъ, пророчествуетъ о морозахъ, о засухѣ, о буряхъ, о холерѣ, о войнѣ и т. п. Ему приносятъ дары, «съ упованіемъ нѣкія пользы», но онъ, какъ нѣкій идолъ, самъ ничѣмъ не пользуется (т. е. не наживается), а все раздаетъ окружающимъ его. Кромѣ того, при «безумномъ

домѣ», въ честь Ивана Яковлевича устроена «кружка», куда доброхотные датели влагаютъ свои лепты, куда идутъ и несчастный грошъ бѣдной бабы, и алая бумажка богатой купчихи.... Приносимые же ему дары состоятъ, обыкновенно въ калачахъ, яблокахъ и нюхательномъ табакѣ. Принятыя Иваномъ Яковлевичемъ, они освящаются въ его рукахъ, и потомъ раздаются всѣмъ приходящимъ къ нему и производятъ шпимыя чудеса. Одна барыня, прѣхавшая къ Ивану Яковлевичу изъ Смоленска, услыхавъ однажды голосъ невѣрія, сочла своимъ долгомъ обратить невѣрующаго на истинный путь, и рассказывала, какъ Иванъ Яковлевичъ изцѣлилъ ей палець, который медики единогласно присудили отрѣзать. Медики объявили ей, что если она не отрѣжетъ пальца, то скоро нужно будетъ рѣзать ей всю руку. Нѣсколько дней продолжалась ужасная боль въ ея пальцѣ и не знала она, что дѣлать и куда дѣваться. И вдругъ вспомнила, что у ней въ комодѣ лежитъ свертокъ табаку, подареннаго ей Иваномъ Яков-

левичемъ, съ надписью: *табакъ отъ Ивана Яковлевича*. Она велѣла подать себѣ этотъ табакъ, посыпала имъ палець, и, чудо! палець тотчасъ же пересталъ болѣть и скоро зажилъ. «Такимъ образомъ, всѣ наши мѣдики, продолжала она, шарлатаны, а Иванъ Яковлевичъ—святой человекъ.» Кромѣ нюхательнаго табаку, другимъ, такъ сказать, символомъ нездѣшняго духа Ивана Яковлевича служатъ записочки, которыя онъ раздаеть приходящимъ. Записочки Ивана Яковлевича носятъ на крестѣ; онѣ изцѣляютъ отъ зубной боли, но главное, по смыслу написаннаго въ нихъ, угадывается судьба. Пишетъ Иванъ Яковлевичъ очень хорошо, но нарочно дѣлаеть каракульки вмѣсто словъ, чтобы въ его писаніи было больше чудеснаго. Съ этой же цѣлью употребляются имъ греческія и латинскія слова. Предсказанія его и записочки всегда загадочны до отсутствія всякаго смысла; въ нихъ можно видѣть все, и ничего не видѣть, а потому, объясняемая съ извѣстною цѣлью, они постоянно сбываются. Вотъ

пунктъ, на которомъ никакъ не собьешь его поклонницъ! Но, говорятъ, что Иванъ Яковлевичъ въ послѣднее время рѣдко писалъ эти записки, и что писаніемъ ихъ занимался бывавшій ежедневно у него богадѣленный діаконъ, который и собиралъ матеріалы для житія Ивана Яковлевича. Изъ другихъ способовъ, которыми передается врачующая сила Ивана Яковлевича замѣчательны слѣдующія: дѣзушекъ онъ сажаетъ къ себѣ на колѣни и вертитъ ихъ; пожилыхъ женщинъ онъ обливаетъ и обмазываетъ разными мезостями, заворачиваетъ имъ платье, дерется и ругается, безъ сомнѣнія, придавая тому и другому символическое значеніе. Княгиня В—ая умирала и лекаря отказались ее лечить. Она велѣла везти себя къ Ивану Яковлевичу; вошла къ нему, поддерживаемая двумя лакеями, и спрашиваетъ о своемъ здоровьѣ. Въ это время у Ивана Яковлевича были въ рукахъ два большіе яблока. Ничего не говоря, онъ ударилъ княгиню этими яблоками по животу, съ ней сдѣлалось дурно и она

упала; еле-еле довели ее домой и, чудо! на другой день она была здорова.

Въ его палатѣ стѣны уставлены множествомъ иконъ, словно часовня какая. На полу предъ образами стоитъ большой высеребранный подсвѣчникъ съ мѣстной свѣчой; въ подсвѣчникъ «ставятъ» свѣчи. Налѣво низко молится странникъ съ растрепанными волосами и въ порыжеломъ отъ солнца кафтанѣ. Направо, въ углу, еще ниже молится баба. Прямо на диванѣ сидитъ молоденькая дѣвушка, на полу возлѣ *нею* извѣстная купчиха З—ая. Увидавъ вошедшихъ людей, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое къверху, чтобъ не замарать его на полу, подвела *къ нему* подъ благословенье своего ребенка, потомъ сама подошла, потомъ поцѣловала его руку и лобъ, перекрестила его и вышла.

Направо въ углу, на полу лежитъ Иванъ Яковлевичъ, закрытый до половины одѣяломъ. Онъ можетъ ходить, но нѣсколько лѣтъ ужъ предпочитаетъ лежать. На всѣхъ другихъ

больныхъ надѣто бѣлье изъ полотна, а у Ивана Яковлевича и рубашка и одѣяло, и наволочка изъ темноватаго ситца. И этотъ темный цвѣтъ бѣлья, и обычай Ивана Яковлевича совершать на постели всѣ отправленія, какъ-то обѣды и ужины, (онъ все ѣсть руками—будь это щи, или каша) и о себя обтираться,—все это дѣлаетъ изъ его постели какую-то темногрязную массу, къ которой трудно и подойти. Лежить онъ на спинѣ, сложивъ на груди жилистыя руки. Ему около 80 лѣтъ. Лобъ высокій, голова лысая, лицо какое-то придавленное. Онъ молчить, или почти не отвѣчаетъ на всѣ предлагаемыя ему вопросы. Сторожъ ему и говорить: «Иванъ Яковлевичъ, что же вы не скажете ничего господамъ? скажите что нибудь имъ? «Я усталъ», отвѣчалъ онъ, но потомъ сказалъ кое-что очень обыкновенное. Иванъ Яковлевичъ лѣтъ по десяти не говѣеть. Явленіе понятное. Но великимъ постамя, онъ велить приносить себѣ постныя и скоромныя кушанья(и ему приносятся!), мѣшаетъ ихъ вмѣ-

стѣ; и самъ ѣсть и другихъ кормить. И ханжи, которыя дома не обходятся безъ постнаго сахару, ѣдятъ у Ивана Яковлевича скоромныя щи, вѣруя, что это богоугодное дѣло. Вообще же мѣшанье кушаньевъ имѣеть въ глазахъ Ивана Яковлевича какое-то мистическое значеніе. Принесутъ ему кочанной капусты съ лугомъ и варенаго гороху; оторветъ онъ капустный листъ, обмакнетъ его въ сокъ и положить его къ себѣ на плѣшь, и сокъ течеть съ его головы; остальную же капусту смѣшаетъ съ горячимъ горохомъ, ѣсть и другихъ кормить: скверно кушанье, а всѣ ѣдятъ. За обѣдомъ и ужиномъ не запрещена Ивану Яковлевичу и водочка.

Изъ почитателей Ивана Яковлевича извѣстны: упомянутая выше купчиха З—ая и ея мужъ, и г-жа Г—ая. Говорятъ, что у Ивана Яковлевича часто бывалъ покойный гофмаршалъ Олсуфьевъ, и когда онъ пріѣзжалъ, то къ Ивану Яковлевичу никого больше не пускали. Г-жа Г—ая имѣла въ Москвѣ судебное дѣло, въ которомъ отказано

ей было во всѣхъ инстанціяхъ. Подавала она нѣсколько просьбъ начальству, и кончилось тѣмъ, что ее обязали подпиской не беспокоить болѣе начальства. Что ей дѣлать? Она бросилась къ Ивану Яковлевичу. Онъ ей сказалъ: не бойся! ступай въ Питеръ и проси священника Александра. Она поѣхала въ Петербургъ, говѣла тамъ, исповѣдалась нарочно у священника Александра и выиграла дѣло. У нея же за долги было назначено въ продажу имѣніе. Завтра аукціонъ: что ей дѣлать? она къ Ивану Яковлевичу. Не бойся, говоритъ онъ ей, на своемъ мистическомъ языкѣ, все будетъ хорошо! Она грѣшная не вѣритъ, идетъ домой, и чтожь? ей даютъ займы денегъ, она платитъ, и имѣнье остается за нею! Но не ко всѣмъ добръ Иванъ Яковлевичъ. Настоящихъ дураковъ и онъ даже гоняетъ отъ себя, особенно, когда они обращаются къ нему съ нелѣпыми вопросами. Пріѣзжаютъ разъ къ нему три жирныя такія купчихи въ тысячныхъ солопахъ, и одна изъ нихъ, беременная, спрашиваетъ:

кого она родить, мальчика или дѣвочку? Иванъ Яковлевичъ выгналъ ихъ всѣхъ и не сталъ съ ними говорить. Приѣхала къ нему извѣстная нѣкогда красавица, купчиха Ш—а, и спрашиваетъ его о чемъ-то, а онъ сказалъ, поднявъ ей подолъ: все растресла, поди прочь! Въ числѣ почитателей Ивана Яковлевича считается одно извѣстное лицо, которое по его записочкамъ, написаннымъ на клочкахъ сѣрой бумаги, оказываетъ покровительство его родственникамъ. Такъ на примѣръ, племянникъ Ивана Яковлевича былъ переведенъ изъ села Петровскаго въ село Черкизово. И потомъ эти черкизовскіе родственники и хлопотали, какъ-бы взять Ивана Яковлевича къ себѣ и, такимъ образомъ, открыть у себя торговлю. Имъ помогалъ нѣкто В—нъ. Говорятъ, что онъ прежде былъ дьякономъ, потомъ женился на купчихѣ, былъ учителемъ, по ходатайству одного лица передъ княземъ С. М. Голицынымъ, поступилъ въ Совѣтъ, гдѣ по милости же князя дослужился до коллежскаго ассессора, потомъ поступилъ въ монахи, а теперь

опять сдѣлался свѣтскимъ. Онъ подавалъ уже прошеніе, чтобы позволили взять Ивана Яковлевича изъ «безумнаго дома», но ему отказали.

Вотъ тридцать-три подлинныхъ письма Ива-Яковлевича, изъ которыхъ 30 были писаны имъ къ одной дамѣ, имѣющей съ нимъ сношеніе со времени ея выхода изъ Екатерининскаго Института, въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ. Она или сама къ нему ѣздила за отвѣтами, или посылала къ нему дѣвушку съ записочкою. Каждый шагъ ея жизни, вся участь ея дѣтей, — все это предварительно подвергалось обсужденію Ивана Яковлевича. Задумаетъ она, на примѣръ, что-нибудь о своемъ сынѣ, и напишетъ Ивану Яковлевичу записочку: будетъ ли счастливъ такой то мой сынъ? и онъ на той же самой записочкѣ и отвѣтитъ ей: счастливъ будетъ! она и вѣрить, и поступаетъ, какъ слѣдуетъ. Всѣ эти отвѣты хранились у нея бережно.

1) Что ожидаетъ Петра, женитьба или монастырь? О чемъ думаетъ Петръ?

Отв. Я не думала и не гадала ни о чемъ во свѣтѣ тужить. А когда пришло времени, ко взяла грудь тамить. Нѣсте подъ дексомъ, (закономъ), но подъ благодатию.

2) Идти ли ей въ монастырь?

Отв. Цорная риза ни спасаетъ, а альпа (бѣлая) риза у ереси нѣ уводитъ. Будьте мудри, яко ехидны и цели, яко колюмпы (голуби) и нетлѣненъ яко арпорс (деревья) кипариси, и пѣвки и кедри... 185д рока, мензисъ (мѣсяць) іулія XXII. Студентъ

холодныхъ водъ Іоан-
нуса Іяковлевъ.

3) Скороли полу-
чить мѣсто рабъ бо-
жій Николай? (семи-
наристъ).

Отв. Во вселія (т.
е. въ селы), Господи
во мѣста свѣта и про-
хлады и нетлѣнія и
безъ врежденъ и безъ
худыхъ водей.

1. Женится ли X? (*)

Отв. Безъ працы
не бенды кололацы
(sic).

2) Выду ли я за
мужъ?

Отв. Это хитрая
штука въ своей силѣ,
что въ ротъ носили.

3) Когда А. поѣ-

Отв. А. (имя) духъ

(*) Всѣ слѣдующія письма принадлежатъ дамѣ, ко-
торая ведетъ переписку съ Иваномъ Яковлевичемъ
со времени своего выхода изъ Екатерининскаго Ин-
ститута.

детъ въ Петербургъ? сокрушенный во храмѣ
Соломона молитвы
дѣдъ.

4) Продадутъ ли деревню? Отв. Не продадутъ.

5) Скоро ли Х. разбогатѣеть? Отв. Не скоро, а
животи здорово!

6) Продастся ли деревня? Отв. Никогда.

7) Любить ли А—у Н—й? Отв. Н—й любить
Екатерину.

8) Что мое дѣло? Отв. Воды льются
всюду, но не равны
всѣ сосуды.

9) Богато ли будетъ жить раба А? Отв. Богъ богатъ,
надо думать, что бу-
детъ богата и Кле-
менція (clementia).

10) Бѣхать ли А—у эту зимою въ Пе-
тербургъ? Отв. Какъ вамъ у-
годно.

11) Скоро ли А. получить должность? Отв. Не скоро, а животу здорово.

12) Будутъ ли мнѣ рады въ Петербургѣ? Отв. Богъ лучше радуется о спасеніи брэннаго чловѣка, нежели 9—10 праведныхъ соспасенныхъ (sic).

13) За кого выйдетъ дѣвица А. замужъ? Отв. За Юсіафа.

14) Будетъ ли счастлива и богата? Отв. Благополученъ.

15) Поправятся ли мои дѣла? Отв. Господи, аще путь беззаконія отвести отъ его, а настави на путь нетлѣннаго живота.

16) Что ожидаетъ рабу А? Отв. Міръ нетлѣніа

17) Чѣмъ кончится Отв. Къто больше

въ сенатѣ у рабѣ А? знаетъ, подавай тому
(sic). свѣтъ Вивлае (библии).
Во Хирас. 1854 рока
а мца Сентіу.

18) Не продадутъ ли деревню у рабѣ А,
при ней ли останется? Отв: нѣтъ

19) Счастливъ ли будетъ сынъ А. Александръ старшій, и кто онъ будетъ? Отв. Пока счастье прозябаетъ, полна друзей бываетъ, а когда счастье проходитъ, тогда здѣ единъ другъ нѣ приходитъ. (Должно замѣтить, что московскій оракулъ пишетъ вмѣсто б—п, а потому вмѣсто *бываетъ*—у него: *нываетъ*).

20) Счастлива ли будетъ дочь ея, Анна и кто она будетъ? Отв. Щастлива.

21) Счастливъ ли
будеть Сергѣй и кто
онъ будетъ?

Отв. Счастливъ.

22) Счастливъ ли
будеть Владиміръ и
кто очъ будетъ?

Отв. Щастливъ.

23) Счастливъ ли
будеть Николай и кто
онъ будетъ?

Отв. Щастливъ, а
чинъ его архидіаконъ.

24) Батюшка, Иванъ
Яковлевичъ! Скажи въ
пользу ли рабы А.
кончится дѣло въ Се-
натѣ?

Отв. Половину дѣла
той маеть, кто доброй
началь обрѣтаеть (sic).

25) Какъ раба А.
будеть жить счастлива
ли? и богато ли?

Отв. Мирно и вра-
ждебно и спасительно
будеть жить.

26) Что ожидаетъ
рабу А?

Отв. Духъ Агіос.

27) Поправятся ли
дѣла А?

Отв. Поправятся.

28) Поправятся ли дѣла рабы А? Отв. Поправятся.

29) Велятъ ли выдать мнѣ проценты? Отв. Въ мефу дать аргентъ (серебро) боится.

30) Что случится съ рабомъ Александромъ? Отв. Александрось Львос Филиппа Виславсу Македону урбсу (sic).

31) Поправятся ли дѣла Александра? Отв. Господи аще путь беззаконія отвори отъ его, а настави на путь истинный.

32) Что случится съ рабомъ Константиномъ? Отв. Житіе а нѣ роскошная масленица.

33) Что случится съ рабою Екатериной? Отв. Также. 1854 рока. А мца Январія 7 днѣ.

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ мнимыхъ чудесахъ покойнаго лже-пророка, записанныхъ въ Органонѣ князя Долгорукаго. Я наблюдалъ, говорить князь А. Долгоруковъ(*), за Иваномъ Яковлевичемъ въ Москвѣ, въ домѣ умалишенныхъ; вотъ одинъ случай, который убѣдилъ меня въ его прозерцаніи. Я любилъ одну А. — А. — А., которая, слѣдуя въ то время общей московской довѣренности къ Ивану Яковлевичу, отправилась къ нему для того, не предлагать ли ей чего-нибудь новаго; возвратившись оттуда, между прочимъ, рассказала мнѣ, что она цѣловала его руки, которыя онъ давалъ, и пила грязную воду, которую онъ мѣшалъ пальцами; я вѣрно разсердился и объявилъ ей формально, что если еще разъ поцѣлуетъ она его руку, или напьется этой гадости, то я до нее дотроги-

(*) Органонъ животнаго месмеризма. Соч. князя Алексѣя Долгорукова. Спб. 1860, стр. 301—303.

ваться небуду. Между тѣмъ, спустя недѣли три, она отправилась вторично къ нему, и когда онъ, по обыкновенію, собравшимся у него дамамъ, сталъ поочереди давать цѣловать свою руку и пить помянутою водою, то дойдя до нея отскочилъ, прокричавъ три раза: Алексѣй не велѣлъ; узнавъ это я рѣшился къ нему поѣхать и понаблюсти за нимъ; первая встрѣча моя была съ нимъ: какъ только я взошелъ, онъ отвернулся къ стѣнѣ и началъ громко про себя говорить: Алексѣй на горѣ стоитъ, Алексѣй по тропинкѣ идетъ узенькой, узенькой; холодно, холодно холодно, у Алексѣя не будетъ ни раба ни рабыни, ноги распухнуть; Алексѣй помогай бѣднымъ, бѣднымъ, бѣднымъ. Да, когда будетъ Алексѣй божій человѣкъ, да...когда съ горъ вода потечетъ, тогда на Алексѣѣ будетъ крестъ. Признаться сказать, эти слова во мнѣ запечатлѣлись, и послѣ этого я выучился тремъ мастерствамъ; хотя мнѣ и объясняли эти слова ясновидящія и высокія, но однако день Алексѣя Божія человѣка я не-

равнодушно встрѣчаю. Изъ наблюденій надъ нимъ, я утромъ болѣе находилъ въ немъ созерцанія и многія такія откровенныя вещи онъ открывалъ, что самому высокому ясновидцу только можно прозирать; въ другихъ же иногда цѣлыми днями онъ пустяки городилъ. Говорилъ онъ всегда иносказаніями (*).

Не задолго до своей смерти Иванъ Яковлевичъ написалъ къ одному лицу въ Москвѣ слѣдующее письмо, которое издается здѣсь съ необходимыми пропусками:

«..... Іоаннъ Яковлевичъ оттенокъ нетлѣн-

(*) Онъ прежде никогда не говѣлъ; одинъ купецъ, мнѣ знакомый, имѣющій пять человѣкъ дѣтей, каждый постъ ѣзжалъ его уговаривать и всегда получалъ отвѣтъ: «у тебя буду говѣть». Въ холеру разомъ купецъ потерялъ жену и дѣтей и съ горя постригся въ монахи; на другой день посвященія его въ іеромонахи. Иванъ Яковлевичъ вдругъ сталъ плакать и просить привести изъ такого-то монастыря такого-то. Мы всѣ въ немъ узнали бывшего купца и онъ у него исповѣдался и приобщился. Прим. князь Долгорукаго.

наго свѣта тышетъ къ лучю нетлѣннаго свѣта безсмертнаго луча и свѣта.... на бренной землѣ.... свѣтъ міру, а лучъ православный на земли и на водахъ ей витѣйствуетъ Духъ, да почіетъ свѣтъ отъ трудовъ своихъ; не привѣтствуя Васъ.... какъ всегда готоваго для всемірной славы, тако міръ благовѣствую. Болѣе гораздо квадратныхъ лѣтъ ради Бога съ его народами тружусь у печки на двухъ квадратныхъ саженьхъ. Кто ищетъ царствіе небесное нудится, а нуждницы восхищаютъ. Благодарю создателю моему, что онъ меня пораженнаго болѣзнями не отринувъ, послалъ изцѣленіе. Ты Господи вся стихіею сотворилъ еси; Души праведныхъ въ руцѣ Божіи, отъ нетлѣннаго Свѣта бренный свѣтъ питается..... обратите милостивое Ваше вниманіе на Ивана Яковлевича, исходатайствуйте ему свободу изъ больницы на чистый прохладный безболѣзненный воздухъ къ родной племянницѣ моей діаконицѣ Маріи въ село Петровское, за таковое Ваше милосердіе воздастъ вамъ Богъ и Господь и Духъ Святыи воздаяніе во еди-

ной Троицы славимый? Аминь.» Дѣйствительно, по этому письму хотѣли Ив. Яковл. выпустить изъ безумнаго дома, но когда ему объявили это, то онъ сказалъ, что итти куда не хочетъ, а тѣмъ болѣе въ адъ.—

«Находившійся въ Преображенской больницѣ Иванъ Яковлевичъ Корейша, сего Сентября 6-го числа въ четвертомъ часу по полудни, скончался; отпѣваніе тѣла имѣеть быть въ Воскресенье 10-го числа, въ 10-мъ часу утра, въ приходской, что въ Екатерининскомъ Богадѣленномъ домѣ, церкви, а погребеніе въ Покровскомъ монастырѣ.» Таково было извѣстіе, которое въ одно утро Москва прочла въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ. Иванъ Яковлевичъ умиралъ. Недѣли за три до смерти, уста его смолкли для пытливыхъ посѣтителей, которые уже бесплатно входили къ нему въ комнату, наблюдали за его предсмертными вздохами и выходили отъ него съ грудю нерѣшенныхъ вопросовъ. Изъ его предсмертныхъ особенныхъ дѣйствій извѣстно, что за-

восемь дней до смерти онъ приказалъ купить восемь окуней и сварить ушку. Покушавъ немного рыбки, онъ дальнѣйшее истребленіе ухи отложилъ до утра; потомъ, разъ ночью, выдвинулся опъ на средину комнаты и легъ ногами къ образамъ, какъ прилично покойнику, но внимательными заботами проснувшегося сторожа положенъ былъ на прежнее мѣсто, въ уголь къ печкѣ. Наконецъ, стукнулъ роковой часъ, и Ивана Яковлевича не стало. Скорбная вѣсть о смерти его быстро пронеслась по всѣмъ концамъ •Москвы; множество поклонниковъ спѣшило къ нему изъ-за Яузы, изъ Таганки, изъ-за Москворѣчья, и всѣ несли ему уксусу, спирту, духовъ, маслъ для умащенія его тѣла. Два дня стоялъ онъ въ своей комнатѣ, и масса народа не отходила отъ него, прикладывалась къ нему и помазывала его для уничтоженія появившагося зловонія. Благоразумные же поклонники, опасаясь, что отъ усерднаго натиранія трупъ окончательно испортится, сочли нужнымъ вынести его въ часовню. Назначено

было его хоронить въ Воскресенье, какъ и объявлено было въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ», и въ этотъ день, чѣмъ свѣтъ, стали стекаться къ нему почитатели; но погребеніе не состоялось за возникшимъ споромъ, гдѣ именно его хоронить. Говорятъ, что чуть не дошло до драки, а брань ужъ была и порядочная. Одни хотѣли везти его въ Смоленскъ на мѣсто его родины, другіе хлопотали, чтобъ онъ былъ похороненъ въ мужскомъ Покровскомъ монастырѣ, гдѣ даже вырыта была для него могила подъ церковью, третьи умиленно просили отдать его прахъ въ женскій Алексѣевскій монастырь, а четвертые, уцѣпившись за гробъ, тащили его въ село Черкизово, гдѣ у покойнаго осталась племянница въ замужствѣ за діакономъ, который поэтому и нажилъ себѣ благодѣтелей. На послѣдней сторонѣ больше всего было силы, и она одолѣла. Изъ опасенія, чтобъ не украли тѣло Ивана Яковлевича, стоявшее въ часовни, сначала приставили къ нему сторожа, а потомъ внесли въ церковь, откуда уже никакъ нельзя

было его украсть. Во все это время шли дожди, и была вездѣ страшная грязь, но, несмотря на то, во время перенесенья тѣла изъ квартиры въ часовню, изъ часовни въ церковь, изъ церкви на кладбище, женщины, дѣвушки, барышни въ кринолинахъ падали ницъ, ползали подъ гробомъ, ложились по дорогѣ, чтобъ надъ ними пронесли гробъ. Принесли его въ церковь. Три кружки, стоявшія зачѣмъ-то у гроба, быстро наполнились деньгами, и зачѣмъ деньги посыпались въ гробъ. Не мало было явленій. На другой день послѣ смерти Ивана Яковлевича явился живописецъ (называютъ одного профессора живописи) снять съ покойника портретъ, но только что онъ хотѣлъ приняться за работу, какъ у покойника тотчасъ начали вспухать глаза, губы стали вздуваться, и всѣ рѣшили, что Ивану Яковлевичу вѣроятно не угодно, чтобъ съ него снимали портретъ, и портретъ такъ и не снимали. Умеръ онъ отъ водяной, но совершенно не это было причиной того, что его разнесло и изъ гроба текло. Вотъ от-

чего это сдѣлалось, какъ рассказываютъ: какой-то католикъ, лекарь, прикоснулся рукой къ головѣ Ивана Яковлевича, и это такъ оскорбило покойника, что онъ, не желая вновь испытать какое нибудь нечистое прикосновеніе, рѣшился лучше испортиться. Еще при жизни Ивана Яковлевича, когда онъ лежалъ недвижимъ, а изъ подъ него текло, служителямъ вѣдно было посыпать полъ пескомъ. Этотъ-то песокъ, намоченный изъ подъ Ивана Яковлевича, поклонницы его собирали и уносили домой, и *песочикъ отъ Ивана Яковлевича* сталъ оказывать врачебную силу. Когда же умеръ онъ, то многіе приходили издалека и покупали песочикъ у сторожей. Песочикъ сталъ истощаться, а цѣна ему возростала, и вотъ прозорливые сторожа носили песокъ со двора, мочили его ужъ изъ подъ себя, и продавали, но, не смотря на все это, сила въ *песочкѣ* оставалась таже самая. Одна изъ такихъ-то поклонницъ, купившая *песочикъ*, вылечила имъ своего сына, ребенка. Разболѣлся у ребенка

животикъ, мать и дала ему въ кашкѣ пол-ложечки *песочку*, и ребенокъ выздоровѣлъ. Вату, которой заткнуты были у покойника носъ и уши, послѣ отпѣванія дѣлили на мелкіе кусочки. Наконецъ, многіе приходили къ гробу съ пузырьками и собирали въ нихъ ту влагу, которая текла изъ гроба. Должно думать, что и эта влага будетъ оказывать цѣлебное дѣйствіе на дѣтей. Срачицу, въ которой умеръ Иванъ Якозевичъ, разорвали на кусочки. Пришли солдаты его обмывать, но женщины вытолкали солдатъ вонъ, какъ недостойныхъ, и сами его обмыли, и ту воду, которой обмывали, тутъ же выпили. Поэтому-то у пишушаго сіи строки есть и *песочикъ* и *кусочикъ срачицы*, но воды нѣтъ. Во все время, пока тѣло стояло, ежеминутно служили панихиды. На могилѣ въ день похоронъ, говорятъ, было отслужено до семидесяти панихидъ, за что причетники получили до 400 р., неизвѣстно только, ассигнаціями или серебромъ. По отпѣваніи прикладывались только къ рукамъ покойника, которые б

спущены изъ гроба, самъ же онъ былъ весь закрытъ, и прикладывались такъ долго, такъ усердно, что, казалось, конца не будетъ. Гробъ до самой могилы несли мужчины и женщины. Хоронили его на счетъ Г. Заливскаго хотя онъ и католическаго вѣроисповѣданія. (См. въ Сѣв. Пч. о похор. И. Як.) Этотъ же самый г. Заливскій хоронилъ и Семена Митрича. Ко времени выноса изъ церкви собрались *уроды, юроды, ханжи, странники, странницы*. Въ церковь они не входили, за тѣснотой, и стояли на улицѣ. И тутъ-то среди бѣлаго дня, среди собравшейся толпы, дѣлались народу поученія, совершались будто бы явленія и видѣнія, изрекались мнимыя пророчества, хулы, собирались деньги, издавались зловѣщія рыканія, и пр. и пр. (*).

(*) Г. Скавронскій въ «Очеркахъ Москвы» указываетъ еще нѣсколько особенностей погребенія Ивана Яковлевича. Въ продолженіе пяти дней его стоянія отслужено болѣе двухъ сотъ панихидъ; псалтырь читали монашенки и отъ усердія нѣкоторыя дамы

Неутѣшная толпа прямо съ похоронъ пошла въ безумный домъ, и вѣнчала тамъ на мѣсто Ивана Яковлевича новаго юродиваго, который уже лежалъ на его мѣстѣ, испивъ малую толику отъ заупокойныхъ чаши.

Новый юродивый, еще при жизни Ивана Яковлевича писавшій записочки, сгоряча говоритъ неуставая, говоритъ много, но совершенно безотносительно къ нуждамъ посѣ-

покойника безпрестанно обкладывали ватой и брали ее назадъ съ чувствомъ благоговѣнія; вату эту даже продавали; овесъ игралъ такую же роль; цвѣты, которыми былъ убранъ гробъ, разхватаны въ мигъ; нѣкоторые изувѣры, по увѣренію многихъ, отгрызали даже щепки отъ гроба. Бабы провожали гробъ воємъ и причитаіями: «на кого ты насъ батюшко, Иванъ Яковлевичъ, оставилъ, покинулъ сироти-нушекъ (это слово пѣлось и тянулось такимъ тономъ, что звенѣло въ ушахъ), кто насъ безъ тебя отъ всякихъ бѣдъ спасетъ, кто на умъ разумъ наставитъ ба-тю-шка-а-а?» Многія ночевали около церкви. Могила выстлана камнемъ на подобіе пещеры.,., Долгое время на могилѣ служили до двадцати панихидъ въ день.,. (Очер. Москвы, стр. 212).

тителей, и все больше о политических не-
устройствахъ, до которыхъ никому дѣла нѣтъ.
И поклонники умершаго пророка, скорбя о
невозвратной ихъ потерѣ, никакъ не могутъ
забыть стараго лже-пророка. Московскія куп-
чихи завертываютъ въ дорогія турецкія шали
свѣчи и ладонъ, ѣдутъ на могилу Ивана
Яковлевича, и, отдавая тамъ свои дары, го-
ворятъ: свѣчи и ладонъ *нашему батюшкѣ*,
а шаль священнику.

С Т И Х Ъ

НА ПОХОРОНЫ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА.

Какое торжество готовитъ *желтый домъ*?
Зачѣмъ текутъ туда народа волны
Въ телѣгахъ и въ лондо, на дрожкахъ и пѣш-
комъ,
И всѣ сердца тревоги мрачной полны?

Отъ Прѣсни, отъ Щипка, къ Сокольникамъ
стремясь,

По улицамъ великія столицы,
Бѣгутъ, поднявъ хвосты, разбрызгивая грязь,
Всѣхъ кумушекъ московскихъ вереницы.
И слышится межъ нихъ порою смутный гласъ,
Исполненный сердечной, тяжелой боли:
«Иванъ Іаковличъ безвременно угасъ!

Угасъ пророкъ, достойный лучшей доли!»
О, бѣдные! мнѣ вашъ понятенъ вопль и стонъ;
Кто будетъ васъ трепать немытой дланью?
Кто будетъ мило такъ дурачить васъ, какъ
онъ,

И услаждать вашъ слухъ своею бранью?
Кто будетъ васъ кормить бурдою съ табакомъ
Изъ грязнаго, вонючаго сосуда,
И лакомить подъ-часъ засохшимъ крендель-
комъ,

Иль кашицей съ засаленнаго блюда?
Ахъ, этихъ прелестей вамъ больше не видать!
Его ужъ нѣтъ! и съ горькими слезами
Спѣшите вы ему послѣдній долгъ отдать

Со всѣхъ концовъ Москвы несметными
толпами....

Того ужъ нѣтъ, къ кому полвѣка напролетъ
Итали вы въ душѣ благоговѣнъе,

И, въ слѣпотѣ, всему, что сдуру ни совреть,
Давали вы глубокое значенье.

Да, плачьте, бѣдные, о томъ, кого ужъ нѣтъ,
Это дорогъ былъ равно для малыхъ и
великихъ;

Но плачьте и о томъ, что просвѣщенья свѣтъ
Еще не озарилъ помятій вашихъ дивныхъ!

СЕМЕНЪ МИТРИЧЪ.

Сравнивая Семена Митрича съ Иваномъ Яковлевичемъ, мы находимъ въ последнемъ великаго древне-русскаго философа и мыслителя, неизмѣющаго, повидимому, ничего общаго съ первымъ; но они родные другъ другу, и только Семенъ Митричъ нѣсколько пооткровеннѣе Ивана Яковлевича. Если Иванъ Яковлевичъ валяется на полу въ пыли, въ грязи, въ салѣ, то Семенъ Митричъ—это просто масса живой грязи, въ которой даже не различишь, чело-вѣческій ли это образъ или животный. Было въ Москвѣ одно купеческое семейство, состоявшее изъ отца и сыновей; жили они хорошо, но, по смерти отца, сыновья поссорились, раздѣлились; при раздѣлѣ одинъ обманулъ другаго, и вотъ начали жить они отдѣльно, проклиная

другъ друга. Одинъ изъ братьевъ скоро умеръ, успѣвъ отдать свою дочь въ Никитскій монастырь, гдѣ она жила до послѣдняго времени, а другой, весь прожился, сталъ юродствовать и, наконецъ, сдѣлался *Семеномъ Митричемъ*. Въ славу онъ вошелъ на Смоленскомъ рынкѣ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Прежде, онъ все зимой бѣгалъ на рѣку умываться, бѣгалъ босой и въ одной рубашкѣ, потомъ засѣлъ дома и началъ предсказывать. Последнiя 25-ть лѣтъ жилъ онъ постоянно на одной квартирѣ у Никола на Щепакѣ, въ домѣ купца Чамова, гдѣ и умеръ. Идя къ нему, надо было, войдя въ ворота, пройти черезъ грязный переулокъ на заднемъ дворѣ, спуститься въ подземелье, и тутъ направо была кухня, гдѣ онъ жилъ. Кухня—въ родѣ подвала со сводомъ; прямо русская печь; направо окно и стѣна, уставленная образами, съ горящими лампадами; налѣво въ углу лежитъ на кровати Семень Митричь; возлѣ него лаханъ; въ подвалѣ мракъ, грязь, сырость, вонь.... Онъ прежде все лежалъ на

печи, потомъ легъ на постель, съ которою ни разу не вставалъ въ продолженіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ. Тутъ, лежа на постели, совершалъ онъ всѣ отправления; прислуживавшая ему женщина одѣвала и раздѣвала его, иногда раза по два мыла его и перемѣняла у него бѣлье. «Если же не доглядишь», рассказывала она: «такъ онъ и лежитъ».... «А то,» прибавляла другая, «ручку бывало замараешь: ты подойдешь къ нему, а онъ тебя и перекреститъ». Вотъ это-то и было у Семена Митрича *великимъ подвигомъ*, поэтому-то и онъ считался *великимъ подвижникомъ*! Церкви, по обыкновенію, онъ не зналъ: Богу не знамо когда молился, говорили мнѣ у него. Вотъ Иванъ Яковлевичъ—тотъ великій философъ. Онъ бывало и *отъ писаній* скажетъ, и эллинской премудрости научить, и табачекъ освятить, а Семень Митричь ничего этого не зналъ. Во-первыхъ, онъ не любилъ, чтобъ его спрашивали о чемънибудь. Спроси его ктонибудь о женихѣ, или о пропажѣ, или, какъ одна барыня, спросила, *куда убѣжала ея дѣвка?* онъ или обо-

дѣтъ помощи, или какою нечистью область. Для полученія отъ него отвѣта *нужно было только подумать*, а онъ и скажетъ. «Святой былъ человѣкъ!» прибавляла разказщица. Да и говорилъ онъ, не ухищряясь, какъ велемудрый Иванъ Яковлевичъ, а просто, что ему взбредеть на умъ: «доска», «полѣно», «воилеть», «вни» и т. п., а почитательницы-то его чадъ каждымъ такимъ словомъ и ломаютъ голову, отыскивая его таинственное значеніе. Богатая купчиха изъ Рогожской выдавала дочь замужъ и пріѣхала спросить у Семена Митрича: что женихъ? выдавать ли дочь? и т. п. Вошла и сѣла она, а онъ и говоритъ: «доски!»—«Что это за доски?» спрашиваетъ купчиха: «какія у меня доски! у меня все сундуки, набитые шелкомъ да бархатомъ.»—«А мы отвѣчаемъ ей», говорила имѣ разказщица: «что не знаемъ,» а сами думаемъ: какъ не знать? извѣстно, что значить «доска,»—гробъ».—Такъ вѣдь и сдѣлалось: дочь-то у купчихи умерла.... Сталъ онъ—Семень Митричь—приближаться къ кон-

чинѣ. Исповѣдался, причастился и масломъ особоровался, и за день до Новаго года (1864) преставился. «Хорошо онъ умеръ?» спрашиваю я. «Ахъ, такъ-то хорошо! такъ-то хорошо! Да кому жъ и умирать такъ, какъ, не великимъ подвижникамъ!» Еще во время болѣзни навѣщали его купчихи, барыни, княгини, графини. Которая сама не пріѣдетъ, та дѣвку или лакея пришлетъ: «что, какъ Семень Митричъ?» Больше всего бывали у него штабсъ-капитанъ З—ій, да его супруга, изъ купеческаго рода: то одинъ пріѣдетъ, то другая. Хоронилъ его г. З—ій. Положили его въ дорогой гробъ; за который дали двадцать восемь рублей. Пока еще стояло тѣло, панихиды не прекращались съ утра до ночи: отслужили одну, сейчасъ же просятъ другую. Обѣдно во время отпѣванія служили соборнѣ: протоіерей, два священника, три дьякона, и пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Говорили, будто *одинъ человекъ* очень сердился, что ему не сазали про смерть Семена Митрича: тогда, говорила расказница, не столько было бы духовенства!

Другіе же, какъ только узнали про его смерть, тотчасъ начали стекаться изъ разныхъ мѣстъ. Стеченіе народа было страшное! Дворъ постоянно былъ полонъ; гдѣ лежало тѣло, туда уже нельзя было и пролѣзть. Все имущество Семена Митрича растащили на память и изъ почтенія, и теперь берегутъ гдѣ нибудь.... Одинъ тащилъ его подушку, другой какую нибудь его тряпицу, третій ложку, которою онъ ѣлъ, четвертый его опорки.... и т. д. Всѣ образа взялъ, съ разрѣшенія священника, Иванъ Степановичъ, живущій на Шахрѣ, о которомъ мы ниже будемъ говорить. Хоронили его на четвертый день, но многіе сердились, зачѣмъ такъ скоро его хоронятъ. Переулки, примыкавшіе къ дому, гдѣ жилъ Семень Митричъ, церковь,—все это захлебнулось народомъ. Въ церкви, во время обѣдни, у гроба его стояла стѣна народу; всѣ лѣзли, кто приложиться, кто только чтобъ до него дотронуться.... И эти стѣны народа, окружавшія гробъ, по окончаніи отпѣванія, сдвинулись и подняли гробъ и понесли его на Ва-

ганьково кладбище. Впереди всей процессіи скакалъ *неизвѣстный никому* юродивый босикомъ и въ черной рубашечкѣ. Скачетъ, скачетъ, остановится, три раза поклонится гробу, и снова скачетъ. Потомъ несли образъ, шли пѣвчіе, духовенство, плотная масса народа *на головахъ* несла гробъ, слѣдовали другія массы народа; ѣхали экипажи.... На кладбищѣ *ревнителями* было устроено обильное угощеніе. Разошлись поздно.

ДАНИЛУШКА КОЛОМЕНСКІЙ.

Онъ изъ крестьянъ. Исторія жизни его печальна и трогательна—это исторія того, какъ у насъ падаютъ и замираютъ сильныя натуры.

Данила Ивановичъ, или, по-просту, Данилушка, уроженецъ Московской Губерніи, Коломенскаго Уѣзда, села Лыкова, принадлежавшаго Б. Онъ сынъ лыковского крестьянина Ивана Ефремова, мужа богатаго, и закоренѣлаго раскольника, который считался первымъ начетчикомъ и исполнителемъ разныхъ обрядовъ, имѣлъ у себя *моленную*, гдѣ попомъ была его жена, мать Данилушки. Она постоянно пребывала въ моленной, собравъ около себя старухъ, читала имъ писанія и толковала, и за то всѣми была уважаема. Село Лыково раздѣлялось на двѣ слободы

и обѣ слободы ходили молиться къ Ивану Ефремову; ему же отцы поручали своихъ дѣтей, товарищей Данилушки. Но эти товарищи ему не нравились, какъ вѣроятно, не нравился и тотъ мрачный духъ, который господствовалъ въ домѣ его отца, и Данилушка выросалъ одиноко. Никогда онъ не игралъ съ дѣтьми изъ своей слободы, а лѣтъ съ десяти сталъ ходить въ другую слободу, называемую Бутырки, гдѣ не было *ни одного раскольника*, и охотно игралъ съ тамошними мальчиками. Игра деревенскихъ мальчиковъ, обыкновенно, бабки. Данилушка, наигравъ у мальчиковъ бабокъ, имъ же ихъ потомъ и продавалъ; игралъ же онъ лучше всѣхъ, не смотря на то, что былъ очень близорукъ. Когда ему было лѣтъ двѣнадцать, искусство его играть въ бабки дошло до чрезвычайности: онъ одинъ всѣхъ обыгрывалъ, и мальчишки покупали бабки иначе, какъ у него. Такимъ образомъ, оборотъ маленькаго капитала Данилушки шелъ быстро: у него въ недѣлю скоплялось до 30 к. сер.; но эти деньги онъ

никогда не носилъ домой, а отдавалъ ихъ на сбереженіе бутырскому мужику Герасиму, церковному старостѣ. Герасимъ любилъ мальчика за сиротливость, давалъ ему ужинать, оставлялъ его у себя ночевать; и мальчикъ полюбилъ его, и просился у него жить, потому-что дома ему приходилось плохо: отецъ больно билъ его, за нехождение въ моленную. И Герасимъ, наконецъ, взялъ къ себѣ Данилушку, сталъ *приучать* его къ церкви, т. е., брать постоянно съ собой, или посылать, вмѣсто себя, къ ящику, заставлялъ его въ свободное время, становиться на клиросъ и пѣть по-слуху, потому что, какъ мы уже сказали, Данилушка былъ близорукъ и не могъ учиться грамотѣ. Мало-по-малу Данилушка привыкъ къ церкви, въ продолженіе какихъ-нибудь 8-ми или 10-ти мѣсяцевъ выучилъ нѣсколько тропарей, и прислушиваясь, подпѣвалъ дьячку. Между тѣмъ, отецъ Данилушки сердился, ходилъ браниться съ Герасимомъ, и жаловался на него барину, что онъ держитъ его сына. Герасимъ спряталъ

мальчика, сказавъ, что онъ ушелъ, неизвѣстно куда; а баринъ, какъ только узналъ, что это мальчикъ смиренный и добрый, взялъ его къ себѣ въ домъ. Съ этого времени Данилушка окончательно возненавидѣлъ своего отца и ужъ больше у него не жилъ. Баринъ сдѣлалъ Данилушку слугою, сталъ его одѣвать, обучать, и хотѣлъ даже снова начать учить его грамотѣ. И вотъ въ будни Данилушка служилъ въ барскомъ домѣ, а по праздникамъ продолжалъ ходить на клиросъ и служить въ алтарѣ. Но ему скоро надоѣло ходить обутымъ въ сапоги. Съ недѣлю походилъ онъ въ барской одежѣ и сапогахъ, а потомъ и то и другое скинулъ и принесъ барину, сказавъ, что ходить въ этомъ не можетъ, потому что все падаетъ. Убѣжденный откровеннымъ признаніемъ Данилушки, баринъ позволилъ ему не носить сапоговъ, кромѣ воскресныхъ дней; но для него и это было тяжело. Въ первое же воскресенье онъ поднесъ барину, въ церкви, сапоги, и сказалъ: какъ хотите, а сапоги не надѣну. Съ этихъ

поръ Данилушка ужъ больше никогда не носилъ сапогъ, а потомъ освободился и отъ барской службы. Въ празднигъ и въ будни, онъ постоянно пребывалъ въ церкви, а когда не бывало службы въ селѣ Лыковѣ, то бѣгалъ въ сосѣднія селы, за двѣ, за три и за пять верстъ. На дворѣ, бывало, темно еще, а Данилушка бѣжитъ куда-нибудь къ заутрени, и какъ бы рано она не началась, а онъ ужъ, вѣрно, поспѣетъ къ самому началу. И не останавливалъ его никакой морозъ, хоть бы въ тридцать градусовъ: рѣшительно въ одной рубашкѣ, по колѣна въ снѣгу, по оврагамъ и полямъ бѣжитъ онъ къ заутрени, въ село Новое, или Семеновское. Сначала Данилушка больше всего ходилъ въ село Новое: оно отъ Лыкова на разстояніи версты, не болѣе. Потому ли онъ ходилъ въ новинскую церковь, что близко, или ему нравилась тамошняя служба—Богъ его знаетъ, но только тамъ постоянно его видали, и раньше всѣхъ. Если, случалось, придетъ онъ раньше благовѣста, то зайдетъ

2*

въ ближайшую крестьянскую горенку, и тамъ дожидается, пока заблаговѣстятъ. А заходилъ онъ больше всего къ старику скотнику Герасиму, который съ 9-ти лѣтъ постоянно состоялъ при храмѣ Божіемъ, и зналъ отлично весь порядокъ службы. Какъ скоро ударятъ въ колоколь, сейчасъ Данилушка и начнетъ надождать дядѣ Герасиму, чтобъ шель скорѣе въ церковь, и когда они придутъ и станутъ на клиросъ, дядя Герасимъ даетъ Данилушкѣ тонъ, какъ пѣть, и Данилушка, прислушиваясь къ нему, подтягиваетъ. Такъ нѣсколько времени ходилъ онъ въ эту церковь, и вдругъ что то ему не понравилось, и онъ началъ ходить въ другое село—Шкинъ въ 4 верстахъ отъ Лыкова. Шкинскій церковный староста, человекъ съ состояніемъ и благочестивый, увидя въ Данилушкѣ особую ревность къ церкви, пригласилъ его къ себѣ жить; а у него, на то время, умеръ баринъ, отецъ же отъ него отступился, такъ-что онъ былъ вполне свободенъ. Оставшись у шкинскаго старосты,

Данилушка получалъ отъ него красныя рубашки, постоянно ходилъ въ церковь, и еще усерднѣе обыгривалъ въ бабки мальчиковъ, и больше носилъ домой денегъ. Мы видѣли выше, какъ Данилушка, съ ранняго дѣтства, искалъ нравственной свободы и простора жизни. И вотъ, теперь, онъ былъ вполне свободенъ, но выхода, какъ и прежде, у него никуда не было, и онъ сталъ снова тяготиться своей свободой, снова бѣжалъ чего-то искать, но духъ его не былъ уже чистъ, какъ прежде: онъ много потерялъ съ того времени, какъ, десятилѣтнимъ мальчикомъ, въ первый разъ убѣжалъ играть въ чужую слободу... онъ уже становился *лже-юродивымъ*. Около четырехъ лѣтъ, онъ прожилъ у шкинскаго старосты, и потомъ ушелъ въ Коломну, гдѣ его приняли какъ настоящаго юродиваго. Тамъ ходилъ онъ по улицамъ, по церквамъ; ему давали денегъ; онъ деньги бралъ, опускалъ ихъ за пазуху, и вечеромъ относилъ въ свою квартиру, которая прежде была въ домѣ почетнаго гражданина К., а

потомъ у Ш. По прошествіи недѣли навѣщаль его шкинскій староста, обиралъ у него деньги и увозилъ къ себѣ въ церковь, гдѣ, въ непродолжительное время, накопились цѣлыя кучи мѣдныхъ денегъ. А Данилушка продолжалъ ходить по городу, собирать деньги, да шутить съ купцами. Если кто былъ толстъ, то Данилушка, потрепавъ его по плечу, говорилъ: «эй ты, кошолка!» Одного онъ называлъ *синимъ*, другаго *звонкимъ*. Если они наоборотъ, смѣясь, говорили ему: «Данила ноги-то отморозилъ,» то онъ отвѣчалъ: «самъ отморозилъ,» и заложивъ руки на спину—его обыкновенная походка—продолжалъ идти далѣе и напѣвать про себя: *о всепльтая мати, или: милосердія двери отверзи*. Такъ, живя нѣсколько лѣтъ въ Коломнѣ, онъ успѣлъ столько собрать денегъ, что выстроилъ въ Шкини колокольню, самую церковь расписалъ внутри и снаружи, слилъ туда два колокола, одинъ въ 300 слишкомъ пудъ, а другой въ 150. Воспитаніе Данилушки, совершавшееся въ средѣ кущовъ и благочестивыхъ купчихъ,

шло впередъ—и вотъ онъ началъ предска-
зывать. Рассказываютъ, будто Данилушка
три раза предсказывалъ пожаръ въ Лыковѣ,
а въ третій разъ сказалъ, что Лыково сго-
реть *въ великую субботу*, а вмѣстѣ сгорить
и его отецъ, что и сбылось. Въ селѣ былъ
огромный пожаръ, и отецъ Данилушки, увидя
что горитъ его домъ, побѣжалъ взять деньги
въ свѣтелкѣ, но пламя его охватило, и онъ
сгорѣлъ. Не жилось въ Коломнѣ Данилушкѣ,
и онъ ходилъ въ Москву, и жилъ здѣсь, безъ
сомнѣнія, въ Замоскворѣчьи, гдѣ и получилъ
окончательное воспитаніе въ домахъ богатыхъ
купцовъ. Но въ Москвѣ Данилушкѣ, почему-то
не пожилось, и онъ опять ушелъ въ Коломну,
къ любезнымъ. ему почетнымъ гражданамъ
его приснопамятнаго города. И коломенскіе
купцы такъ любятъ Данилушку, что за сча-
стье всякій изъ нихъ считаетъ подать ему
копѣйку, двѣ, даже гривну, потому-что, какъ
они говорятъ, «*торговли нѣтъ*, если кто не
успѣетъ подать ему утромъ, на починѣ». Калашники, выйдя утромъ на рынокъ, не

продаютъ свой товаръ до-тѣхъ-поръ, пока не пройдетъ Данилушка. Вотъ проходитъ мимо Данилушка, и беретъ у кого нибудь калачъ, — и тотъ купецъ, у котораго былъ взятъ калачъ считается счастливымъ, и покупатели рекомендуютъ его другъ-другу, говоря, что «нельзя не взять калача, самъ Данилушка взялъ — стадо быть калачи хороши, да и продаетъ ихъ человекъ благочестивый, потому что къ неблагочестивому Данилушка не пойдетъ.» Такъ, ходя по городу, изъ дома въ домъ, изъ улицы въ улицу, и потакая всяческимъ вожделеніямъ жителей, Данилушка набираетъ множество денегъ, съ цѣлю, какъ говорятъ, построенія церквей. Умеръ въ Москвѣ лежуродивый *Семень Митричъ*, и Данилушка былъ на его похоронахъ, и плясалъ въ церкви.

МАКАРЬЕВНА.

Она изъ иногородныхъ мѣщанокъ, жила прежде въ Зарядь, а потомъ на Солодовкѣ, и теперь также пребываетъ гдѣ-то за Москворѣчьимъ, гдѣ такъ много пустосвятовъ и ханжей. Это баба лѣтъ сорока пяти, толстая, хорошо сложенная, лицо ея такъ и свѣтится покоемъ и беззаботностью. Называетъ она себя *вдовицей*, *странницей*, рассказываетъ, что обошла всѣ пустыни и монастыри и всю Палестину, и о томъ, какія ей бывали видѣнія. Ходитъ въ черномъ суконномъ шушунѣ съ широкими рукавами, подпоясана ременнымъ поясомъ; на головѣ у ней черная бархатная шапочка, но случается, что она распуститъ по плечамъ косу, такъ и ходить. Въ рукахъ

у ней огромная палка, которую она называетъ *жевлонъ іерусалимскимъ*, или пучокъ свѣчей, а на шеи у ней надѣты четки съ большимъ крестомъ. Говоритъ иносказательно, благословляетъ и даетъ цѣловать свои руки. Ее очень часто можно встрѣтить въ рядахъ, гдѣ молодые прикащики, отъ нечего дѣлать, — обыкновенно перекидываются бранью и остроумиями съ чиновниками, офицерами и разными ханжами, собирающими подаваніе, въ томъ числѣ и съ матерью Ольгой. Очень не любитъ она, если кто нибудь ей скажетъ: «шла бы ты Ольга Макарьевна въ сидѣлки въ больницу, или на фабрику, въ артель въ кухарки; вѣдь труды-то Богъ любитъ.» На эти слова она непремѣнно отвѣтитъ такой бранью, что зажимай уши. А сама себя она называетъ *птицей небесной, голубицей оливаной*, и пользуется великимъ уваженіемъ между купчихами Таганки и Замоскворѣчья. Она необходимая принадлежность похоронъ, поминокъ, именинъ, свадьбъ, отпуска невѣсть подъ вѣнецъ, и т. п. На похоронахъ, и на помин-

какъ она играетъ роль утѣшительницы, на-
дѣваетъ на плачущихъ четки и крестъ съ
себя, говоритъ разные подходящіе тексты изъ
Св. Писанія; за столомъ садится всегда на
первомъ мѣстѣ, между духовенствомъ, о раѣ
и адѣ толкуеть, и такъ положительно, какъ
будто она тамъ была. Чисто—замоскворѣц-
вая кучиха, передъ свадьбой своей дочери,
призываетъ Ольгу Макарьевну, и даетъ ей
десять рублей, прося ее помолиться: «у меня
Ольга Макарьевна, дѣло идетъ съ женихомъ:
завтра Дунюшку будетъ женихъ смотрѣть,—
помолися матушка!»—«Помолюсь,» отвѣчаетъ
мать Ольга, помолюсь; всю ночь буду на мо-
литвѣ стоять. Коли хорошій человѣкъ—такъ
будетъ дѣло, а коли не хорошій такъ не будетъ.»
На дѣвешникахъ она благословляетъ сун-
дуки, куда будутъ класть приданое, и кла-
детъ туда кусочикъ хлѣба съ солью, или
крендельки, въ каждой уголь по одному, а
также, серебряные пяточки. При отпускѣ не-
вѣсты она собственноручно подвязываетъ ей
извѣстный карманъ съ разнымъ снадобьемъ,

собираемымъ по различнымъ рецептамъ. Одинъ изъ славныхъ рецептовъ, такъ называемый *мячкинской*, по имени, знаменитой лѣкарки *Мячкинской*, собиравшей его въ свое время. По этому рецепту кладутъ въ карманъ: четверговую соль, богоявленскую свѣчку, свѣчку отъ Гурія, Самона и Авивы, корень петрова креста, деревянную палочку съ двѣнадцатью зарубками, маковую головку, кусочикъ хлѣба, булавку, иголку, розовую шелковинку и какое-то писаное заклинаніе отъ порчи. Многія до того въ нее вѣруютъ, что считаютъ ее способной изцѣлять болѣзни. Приѣзжаетъ одна купчиха навѣстить другую, которая долго была больна, и говоритъ ей: «брось ты, матушка, лечиться у лекарей то, съѣди-ка ты съ матушкой Ольгой Макарьевной въ баню помыться; она тебя потретъ, да почитаетъ надъ тобой, такъ смотри-ка, и будешь на другой день встрепанная. Вотъ Аюмью Ивановну лечили-лечили, а толку ничего не было, а какъ съѣдила съ матушкой, да потеряла она ее руками, такъ смотри какъ оздоровѣла.»

Особенно вдовы и молодыя жены, вдовицы и молодые мужья очень любятъ посѣщать ея квартиру, и, говорятъ, что очень пріятно слушать ея поученіе, что столько у ней образовъ, и столько у ней бываетъ разныхъ странниковъ—и странницъ!... Кругъ дѣйствій матери Ольги не ограничивается одной Москвой, она посѣщаетъ и Нижегородскую ярманку, и Ростовскую, и Полтавскую. Живетъ она подь часъ весело; вечеркомъ любитъ кататься на извощигѣ лихачѣ и выбираетъ для этого, который помоложе и подюжѣе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она держала при себѣ дѣвушку. Однимъ она выдавала ее за дочь, а другимъ за, воспитанницу, т. е. тѣмъ за дочь, которые знали ее за вдовицу, а тѣмъ за воспитанницу, которые считали ее голубицей. Дѣвушку эту она выдала замужъ въ Петербургъ и дала за ней тысячу на шесть серебромъ. И теперь, когда мать Ольга отъѣзжаетъ въ Петербургъ, она шапочку мѣняетъ на чепчикъ, шупунъ на солопъ; живетъ въ Петербургѣ прилѣваючи, и когда

порастрясетъ свои капиталы, возвращается въ Москву, снова облекается въ шушунъ и шапочку и отправляется на подвигъ спасенія замоскворѣцкихъ купчихъ.—

МАНДРЫГА.

Уже нѣсколько лѣтъ живетъ въ Москвѣ какой-то испанецъ, человѣкъ неизвѣстно какой религіи; называется онъ Мандри, или, какъ его обыкновенно зовутъ, *Мандрыга*. Онъ занимается предсказаніями, угадываніемъ воровъ, говоритъ назидательныя поученія, и успѣлъ уже нажить себѣ хорошенькій домикъ. За Донскимъ Монастыремъ, стоитъ въ полѣ этотъ странный, одинокій домикъ, гдѣ живетъ Мандрыга. У воротъ стоятъ экипажи, а въ комнатахъ сидятъ дамы и дожидаются, когда выйдетъ гадатель. Комната украшена образами, предъ которыми на столикѣ лежитъ священная книга, чуть ли не Евангеліе, и здѣсь въ извѣстные дни происходитъ молебствіе Николай Ивановичъ Мандрыга служитъ

2**

и читаетъ, какъ священникъ; всѣ допускаемые къ этому, обыкновенно исключительныя личности, очень близкія къ хозяину, умиленно слушаютъ чтенія, и молятся. Комната сіяетъ въ образахъ, горятъ свѣчи, какъ въ церкви, Николай Ивановичъ кадитъ... Онъ на видъ сухощавъ, невеликаго роста, съ блѣднымъ лицомъ, черноглазый, черповолосый, какими бываютъ очень часто итальянскіе фокусники. Многія барыни совершенно имъ очарованы, они жертвы его, и онъ дѣдаетъ изъ нихъ, что хочетъ.

НИКОЛАША ДУРАЧОКЪ.

Мало извѣстна намъ исторія этаго несчастнаго. Отецъ его, мужичекъ, былъ отданъ подъ *красную шапку*. Онъ имѣлъ жену, которая, безъ сомнѣнiя, слыла солдаткой, и вотъ родился у нихъ сынъ. Сидя двое, отецъ и мать, думали, какъ бы имъ назвать сына, и рѣшились назвать его *Николашей*. И отецъ, услыхавшiй первый крикъ своего ребенка, и эта мать, которая кормила его своею грудью, знали-ли они, что ихъ *Николашу* сдѣлаютъ дурачкомъ, что онъ будетъ потѣхой честному люду? Иль, можетъ быть, на *Николашѣ* отозвалась горькая участь, беременной имъ матери, когда его отца отдавали въ рекруты, а мать, какъ безумная, билась на улицѣ.... Но какія бы то обстоятельства ни сдѣлали солдатскаго сына дурачкомъ—это были злыя

обстоятельства, они сдѣлали свое дѣло: съ насъ и этого довольно. Дурачка Николашу пріютила нѣкая богадѣльня, слывущая подъ именемъ Екатерининской и Матросской, извѣстная въ исторіи сосѣдствомъ Ивана Яковлева, жившаго тутъ же возлѣ, въ такъ называемомъ *безумномъ домѣ*, хотя самый домъ сколько намъ извѣстно, совсѣмъ не безумный, а только биткомъ набитъ безумными. Но матросская богадѣльня, совершенно напротивъ, набита очень умными людьми, которые не только пріютили Николашу, но еще даютъ ему всѣ средства бѣгать по улицамъ и юродствовать, сколько ему угодно. Поистинѣ богоугодное заведеніе! По милости его Николаша служить потѣхой всей этой обширной стороны, которая извѣстна подъ именемъ Преображенскаго и Покровскаго. И, подумаешь, какъ это не стыдно живущему тамъ купечеству взвалить всѣ свои наслажденія, удовольствія и потѣхи на одного только Николашу! Извѣстно, что въ этой дальней, глухой и темной, хотя и очень промышленной сто-

ронѣ, нѣтъ ни театровъ, ни балагановъ, ни разныхъ другихъ удовольствій, которыми, по выраженію одной книги, дьяволъ пробавляетъ людей въ центрѣ города, и на всю эту сторону; теперь, послѣ Ивана Яковлевича только и остается одно удовольствіе—одинъ Николаша юродивый!.. Да туда бѣ надо согнать съ цѣлаго міра тысячи юродивыхъ, чтобъ они на всѣхъ распутіяхъ, рынкахъ и площадяхъ—вереницами-бѣ и толпами, словно черти передъ заутреней, плясали-бѣ, скакали, выли и стонали, а благодѣтельное купечество, глядя на нихъ, надрывало бѣ свои животики.... Но Николаша одинъ и его просто заѣздили. На рынкахъ знаютъ его всѣ отъ мала до велика, всѣ отъ послѣдняго замараннаго и забитаго мальчишки съ фабрики до любого его степенства на парѣ жирныхъ рысаковъ. Полуцагой мальчикъ, посланный по дѣлу, какъ ни дрожитъ отъ холоду, а непременно остановится и подразнить Николашу; и въ то же время его степенство, воротившись отъ ранней, и распивая чаекъ съ супружницей, непременно

расскажетъ, какъ нынче въ церкви его разутѣшили Николаша. Но кто лучше всѣхъ, такъ это торговцы на Преображенскомъ рынкѣ. Они выучили Николашу пѣть отвратительныя пѣсни, и, нарядивъ его въ шутовской костюмъ, наприимѣръ лакеемъ, заставляютъ его пѣть, хохочуть надъ нимъ, дразнить его словно собаку. А то заставляютъ его чихнуть разъ пятьдесятъ, зѣвнуть разъ сто, — онъ зѣваетъ и чихаетъ до пста, до изнеможенія, а они-то несчастные, хохочуть, хохочуть, а послѣ подадутъ ему копеечку. Такимъ образомъ Николаша знаменитъ не столько по своему дурачеству, сколько по дурачеству окружающихъ его существъ, тоже называемыхъ людьми. Самъ онъ лично — очень простое, доброе и слабое существо, великій охотникъ до рѣпы и, къ несчастію, или можетъ быть, къ счастью — до вина, питью котораго научили его тѣ же рыночныя благодѣтели.

МАТЮША.

Матюша тоже изъ крестьянъ, да еще изъ господскихъ. И, странное дѣло, наши барыни такъ любятъ и почитаютъ юродивыхъ и дурачковъ, а, между тѣмъ, ни одного изъ нихъ нѣтъ, который вышелъ, бы изъ господъ, — все-то изъ мужичковъ, какъ будто они для этого только рождаются.... Онъ лѣтъ сорока, невысокъ ростомъ, русый, съ небольшою бородкой. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ на общественную дѣятельность, на общественное служеніе, онъ былъ нищимъ въ городскихъ рядахъ, и для удовольствія именитаго купечества кувыркался и дурачился за копейчку серебромъ. Иль ужъ ему наскучила эта наука, и захотѣлось отдохнуть, или же просто вышелъ случай, только онъ поступилъ въ

монастырь; но его оттуда скоро удалили за хитрое пронесеніе въ монастырь водки. Снова онъ явился въ Москвѣ, но ужъ въ иномъ видѣ, преобразенный,—въ послушническомъ платьѣ, и снова сталъ ходить по купцамъ и поздравлять, кого съ праздникомъ, кого съ ангеломъ, да собирать на свѣты и въ монастыри и все собранное проживать въ переулкахъ на Самотекѣ. Особенно онъ сдѣлался извѣстенъ со времени своего участія въ знаменитомъ кievскомъ походѣ, совершенномъ три года назадъ *матушкой Матреной Макарьевной*. Собравшись въ Кіевъ, Матрена Макарьевна набрала съ собой для пущаго подвижничества цѣлую толпу различныхъ юродивыхъ, странниковъ и странницъ, богадѣленокъ и приживалокъ, человекъ до ста, и съ этой ватагой начала свое шествіе. Увлекая за собой по дорогѣ все сподручное, Матрена Макарьевна привела въ Кіевъ ужъ человекъ съ триста. Зрѣлище шествія этой аравы было необыкновенно, это была какаят о оживотворенная картина изъ тысячи одной

ночи. Должно замѣтить, что все это сонмище продовольствовалося на счетъ Матрены Макаревы, но кромѣ того, всякой имѣлъ собственныя у себя деньги, да еще по дорогѣ собирали подаянія, а потому, можете представить, какая всѣмъ была раздольная жизнь. Растянувшись по дорогѣ длинной вереницей самыхъ разнообразныхъ личностей, шедшихъ попарно и кучками, подъ вечеръ вся эта орда стягивалась гдѣ нибудь у лѣса, и раскладывала станъ, чисто цыганскій. Чего только тутъ не было! И брань, и драка, и слезы, и лобзанія, и пѣсни разгульныя, стихи умильные, словомъ, тутъ все было. Чѣмъ свѣтъ орда ужь подымалась съ ночлега и продолжала свое шествіе. Когда же это страшное и дикое сонмище, вооруженное клюками и палками, вступало въ города, то власти спѣшили выслать къ нему стражу, кроткую и вѣжливую, только бы по добру по здорову спровадить сонмище изъ городскихъ предѣловъ. Здѣсь былъ и Матюша. Будь онъ не изъ крестьянъ, будь не простой юродивый а прой-

доха, онъ пошелъ бы далеко; но ему не удалось еще окончательно изуродовать свою душу, окончательно оподлѣть, и теперь, не пользуясь никакой особенной извѣстностью, онъ снова нищенствуетъ, и единственное наслажденіе его осушить, при случаѣ, часика въ два большой, что называется купеческій, самоваръ, чашекъ въ шестьдесятъ.

ЕВДОКІЯ ТАМБОВСКАЯ.

Женщина лѣтъ пятидесяти, въ черномъ коленкоровомъ платьѣ, новязанная чернымъ платкомъ, сухая, блѣдная и вѣчно босая. Ее всегда вы можете видѣть въ Рогожской, въ Таганкѣ, въ Покровскомъ, — въ этихъ парни ахъ, гдѣ произрастаетъ всякое юродство и хашжество, въ этой ямѣ гдѣ скопляются всякой соръ и нечистота. Она останавливаетъ на улицѣ всякаго проходящаго и проситъ у него: «миленькій братецъ, или миленькая сестрица, благословите на копеечку!» И если дадутъ ей желанную копеечку, то она начнетъ крестить миленькаго брата или миленькую сестрицу, а если не дали, то она страшаетъ ихъ адомъ и геенскими муками, вотъ всѣ и даютъ, и даютъ.... Когда пригласятъ ее въ домъ, она войдетъ и сядетъ

на полъ и начнетъ разводить рассказы о разныхъ явленіяхъ и видѣніяхъ, еще бывающихъ на свѣтѣ, а потомъ попроситъ и водочки. И если при этомъ спросятъ ее, да развѣ тебѣ, матушка, можно пить водку-то? то она отвѣчаетъ: «водку-то? а водку можно, поелику мы люди такіе, что водку просимъ, а воду пьемъ, воды просимъ—водку пьемъ!» Позабывая такимъ образомъ долгое время надъ матушкой Москвой, матушка Евдокія отправилась недавно въ другія города и веси, чтобъ и тамъ прославить свое имя.

КСЕНОФОНТЪ ПЕХОРСКІЙ.

Ксенофонтъ Пехорскій—нѣкій плодъ юродственной пропаганды славнаго Ивана Степаныча Пехорскаго (съ р. Пахры). Онъ былъ крестьянинъ, жилъ работникомъ на постояломъ дворѣ, и, соблазненный примѣромъ Ивана Степаныча, промѣнялъ труды, хотя тяжелые и неприбыльные, но честные, на легкое и выгодное, но подлое добываніе денегъ юродствомъ. Смѣтливый мужикъ, онъ понялъ, какъ и чѣмъ можно дѣйствовать на людей. Здоровый человекъ лѣтъ тридцати, онъ вдругъ представился болящимъ, постыщимся, сталъ ходить босикомъ съ большою палкой въ рукахъ, съ непокрытою головой, и началъ говорить темныя рѣчи, вполне увѣренный, что на его вѣкъ станутъ дураковъ, которыхъ бы онъ руководствовалъ

на пути къ спасенію. Изъ деревни онъ пришелъ въ Москву, а тогда въ Москвѣ было холерное время, въ которое чернь особенно падала на такихъ фокусниковъ. И началъ онъ лже-юродствовать. Водки не пилъ, по ночамъ читалъ книги, и въ рѣчи свои вставлялъ тексты изъ писанія; чаю пилъ мало, да и то не иначе, какъ съ деревяннымъ маслицемъ отъ лампадки, смотрѣлъ внизъ, вздыхалъ и съ горничными не заигрывалъ, какъ обычно дѣлаютъ это всѣ лже-юродивые, однимъ словомъ, выдержалъ себя, какъ слѣдуетъ быть смиренному человѣку. Раза три въ годъ онъ ходилъ на богомолье, собравъ предварительно деньги на вспоможеніе скитамъ и монастырямъ; но такъ какъ у него, по случаю, карманы были очень длинны, то и неудивительно, что набранныя деньги и оставались тамъ навсегда.... Промыкавъ такую жизнь года съ три, и видя, что холера прошла, и доходовъ становится все меньше и меньше, отецъ Ксенофонтъ рѣшился разъ пересчитать свою казну, нашелъ въ ней тысячу другую, и

подумавъ маленько, въ одно прекрасное утро скинулъ съ себя послушническое платье, и одѣлся опять мужикомъ. Теперь онъ прасолъ, женился и поживаетъ припѣваячи, рассказывая, подъ веселую руку, о своихъ похожденияхъ между московскими купчихами и барынями. величая каждую по имени, отчеству и прозванію.

ФЕОДОСІЙ.

Онъ изъ крестьянъ Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи; проживалъ прежде на Дѣвичьемъ полѣ, на фабрикѣ купцовъ Ганешиныхъ, а потомъ, найдя, что юродство очень выгодно, принялся юродствовать и теперь пребываетъ въ Хамовникахъ. Хамовники въ послѣднее время сдѣлались пріютомъ для всевозможныхъ ханжей, зае тамъ живетъ нѣкій купецъ, главный ихъ покровитель. Феодосій ходитъ босикомъ, носитъ желѣзные вереги и пророчествуетъ. Это здоровый мужикъ лѣтъ сорока, съ окладистой бородой, плѣшивый. На родинѣ у него есть семейство, и дочь его, молодая дѣвушка, время отъ времени приходитъ къ нему, и отбираетъ у него деньги, собираемыя ей на приданое.

ПЕТРЪ УСТЮЖСКІЙ.

Человѣкъ небольшого роста, лѣтъ 35-ти, съ русой бородкой, по плечамъ длинныя волосы. Онъ въ послушническомъ полукафтаньи, подпоясанъ ремнемъ. Его можно встрѣтить на московскихъ улицахъ, по которымъ онъ всегда ходитъ въ припрыжку, отчего среди ханжей онъ и извѣстенъ подъ именемъ бѣгунка. Проживаетъ онъ у извѣстнаго купца, любителя всякихъ пророковъ и пророчицъ. Петруша особенно любитъ хорошіе соты, здобныя, сладкіе пироги, цвѣточный чай, моченыя яблоки, варенье всѣхъ сортовъ, зернистую икру, блины, яичницу и молодыхъ горничныхъ, которыхъ называетъ вербочками, малиновками, пѣночками, кинаречками, лапушками. Въ домѣ, куда ходитъ Петруша, если есть горничная

то она носить одно изъ помянутыхъ названий и вѣрующіе ставятъ ему это въ юродство. Одна изъ особенностей его та, что онъ можетъ заразъ съѣсть цѣлый арбузъ, какъ бы онъ ни былъ великъ. При видѣ подобнаго арбуза онъ начинаетъ кричать: «искушеніе, искушеніе! великое искушеніе!» И за тѣмъ беретъ арбузъ въ колѣнки, а ножикъ въ руки, и работаетъ до тѣхъ поръ, пока отъ арбуза останутся однѣ корочки. Тоже бываетъ и при видѣ бурака съ зернистой икрой. «Искушеніе, кричитъ онъ, искушеніе! душа требуетъ, душа желаетъ!» и беретъ буракъ въ колѣнки и ѣсть икру до тѣхъ поръ, пока ея не останется не зернышка.

ОТЕЦЪ ГАВРИИЛЬ АЕОНСКІЙ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ появился въ Москвѣ сей отецъ Гаврииль и произвелъ великій шумъ между московскими ханжами. Всѣ съ наслажденіемъ упивались слушаніемъ его разсказовъ объ Аеонѣ и раскупали по дорогой цѣнѣ принесенныя имъ откуда-то разныя бездѣлюшки. Родомъ онъ изъ Молдаванъ, хотъ онъ самъ говоритъ, что онъ изъ Албанцевъ и перешелъ въ православную вѣру вслѣдствіе бывшаго съ нимъ чуда, но это не больше, какъ сказка. Поживъ въ Москвѣ съ годъ и набравъ не одну тысячу рублей, онъ къ великому огорченію почитательницъ возымѣлъ желаніе снова отправиться на Аеонъ. Стали его уговаривать всѣми силами, чтобъ онъ остался въ Москвѣ; но онъ отказывался, говоря, что уставы московскихъ

монастырей слишком слабы для подвижниковъ, что онъ далъ обѣщаніе жить на Аѳонѣ, и т. под. но, поломавшись довольно, онъ рѣшился остаться и поселился въ одномъ изъ пріютовъ около Москвы, гдѣ ему выстроили келью за оградой, какъ онъ этого самъ пожелалъ *ради уединенія*. Поживъ немного въ своей кельѣ и вѣроятно соскучившись, онъ опять явился въ Москвѣ къ неописанной радости его почитателей. Онъ имъ рассказывалъ, что ему тамъ не давали покоя разныя демонскія искушенія. Демоны въ разныхъ видахъ не оставляли его ни днемъ, ни ночью. Днемъ онъ все видѣлъ около своей кельи молодыхъ крестьянокъ, собирающихъ будто-бы ягоды, и онѣ то манили его къ себѣ, то водили въ его глазахъ хороводы, то пѣли пѣсни. По ночамъ же къ нему являлись разныя чудовища; то слышался вой волковъ, то будто бы разбойники пришли его убить и топорами стучатся въ его двери, то появлялись молодыя нагія красавицы и обнимали его. Отецъ Гавріилъ видѣлъ будто бы въ этихъ явлені-

яхъ персть, указывающій ему возвратиться на Аеонъ. Снова пожалѣли о немъ его доброты, снова собрали ему на путь большую сумму денегъ, распрощались съ нимъ и проводили; но не прошло и года, какъ онъ опять появился въ Москвѣ. Онъ рассказывалъ новую басню о томъ, какъ былъ застигнутъ болѣзнію въ городѣ Одессѣ, проболѣлъ полгода, и потомъ два раза собирался на Аеонъ, и два раза заболѣвалъ, и что въ этомъ онъ также видитъ особый персть, указующій ему жить въ Москвѣ. Этотъ чудесный случай усугубилъ еще больше уваженіе къ отцу Гавріилу, какъ будто видимо ознаменованному благодатью, и одинъ изъ его поклонниковъ, богатый купецъ изъ-за Москворѣчья, устроилъ ему въ саду у себя келью. И отецъ Гавріилъ, поселившись на весяхъ замоскворѣчскихъ, къ великой радости его почитателей, сталъ поживать; но не прошло и года, какъ маска съ него спала и всѣ его увидели.

Дѣло въ томъ, что онъ началъ мѣшаться

во всѣ семейныя дѣла. У купца, гдѣ онъ жилъ, была большая семья, и дошло до того, что, по милости новаго жильца, имъ пришлось хоть развѣхаться. Стали думать, отчего бы это доселѣ жили всѣ мирно, а теперь явилась такая неурядица; думали, думали и догадались, что все это по милости отца Гавріила, и вотъ выгнали его изъ дому, и все пришло въ старый порядокъ. Послѣ этой исторіи слава аеонца немного упала, и онъ ушелъ въ одинъ скитъ близъ Москвы; но, поживъ въ скиту съ годъ, онъ и тамъ не могъ ужиться и опять появился въ Москвѣ, опять сталъ собираться на Аеонъ, сталъ опять собирать на окончательное возвращеніе, и, собравъ опять значительную сумму, все таки остался въ Москвѣ, объявляя, что собранныхъ имъ денегъ мало, потому что на Аеонѣ даромъ не принимаютъ и требуютъ великихъ вкладовъ. И вотъ онъ остался и снова зажилъ въ Москвѣ, весело и жирно. Зная, гдѣ и когда онъ будетъ, его ждуть, выходятъ встрѣчать за ворота. Введи его въ домъ,

сажают на первое мѣсто, угощаютъ стерляжьей ухой, до которой онъ великій охотникъ, кланяются ему въ ноги, цѣлуютъ ему руки и приказываютъ прислугѣ дѣлать тоже самое. Лакей изъ дворовыхъ людей, жившій у купца, никакъ не рѣшался цѣловать руки у ханжи и кланяться ему въ ноги, и за это былъ разочтень, какъ безбожникъ, и изгнанъ. Хотѣли даже высѣчь его за это въ части, но только полиція, при всемъ уваженіи къ купцу, не нашла для этого достаточныхъ оснований. Для выѣздовъ по монастырямъ отцу Гавріилу всегда былъ готовъ экипажъ. Ему были открыты у всѣхъ и сердце, и душа, и кошелекъ, и жилъ онъ, какъ говорится, припѣваючи. Но въ послѣднее время слава сего отца значительно упала и имя его изъ передовыхъ хачжей отошло на задній планъ. Живетъ онъ и теперь еще въ Москвѣ у одного ханжи купца, который разъ ужъ заплатилъ за рубль тридцать копеекъ, но попрежнему продолжаетъ содержать у себя не одинъ десятокъ пустосвятовъ для спасенія

своей души. Ходить онъ по кремлю и по московскимъ монастырямъ; по старой памяти заходить къ своимъ старымъ знакомымъ съ книжками и просвирками. Это худощавый старикъ средняго роста съ небольшою сѣдой бородой. Ему лѣтъ подъ 60, и онъ извѣстенъ теперь ужъ не подъ именемъ отца Гавриила Леонскаго, а просто *Гаврила Федоровича*.

МАША БУСИНСКАЯ.**ПЕЩЕРОКОПАТЕЛЬНИЦА.**

Лѣтъ тридцать пять тому назадъ, въ одномъ изъ московскихъ женскихъ монастырей, у одной изъ матушекъ, приглащивала крестьянская дѣвочка, лѣтъ пятнадцати, сирота, по имени Марья; матушкѣ она приходилась дальней родственницей. Это была хорошенькая дѣвочка, съ свѣтлыми глазками, веселая, незастѣнчивая. Прошло нѣсколько времени, и пронесся слухъ, что въ 12 верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Бусинѣ, появилась какая-то неизвѣстная дѣвица, которая роетъ тамъ пещеру. Говорили, что роетъ она по ночамъ и въ это время все кругомъ нея освѣщается необыкновеннымъ свѣтомъ, а роетъ она по

3*

особенному, бывшему ей гласу, что она должна тутъ вырыть икону. Москва, услышавъ про явленіе въ селѣ Бусинѣ, бросилась туда сломя голову. Дворянки, купчихи, мѣщанки, чиновницы, старухи и молодья, богатья и бѣдныя, всѣ шли и ѣхали въ село Бусино увидѣть молодую труженицу. Пещера, гдѣ она жила, была ничто иное какъ огромная, глубокая яма; на стѣнѣ висѣла икона, съ горѣвшей предъ ней лампадой; на полу лежала ветхая одежда труженицы, и она сама, съ заступомъ въ рукахъ, босикомъ, въ одной рубашкѣ и съ распущенными волосами, распѣвала звонкимъ голосомъ духовныя пѣсни. Это была наша Маша, доведенная до этого состоянія своими родственниками, видѣвшими въ ней средство наживы. Приходившіе къ ней предлагали ей разныя вопросы, но она на нихъ почти не отвѣчала,—опускали ей въ яму сдобныя пироги, калачи, сайки и деньги, а взаменъ этого брали изъ ямы песочикъ и щепочки, выкапываемыя будто бы Машею. Для крестьянъ

яиъ села Бусина это просто было счастьемъ, упавшимъ съ неба, потому что отъ нахлынувшей массы богомольцевъ они получали большія выгоды. Многіе приходили съ вечера и останавливались у крестьянъ почевать за очень высокую цѣну, и кромѣ того платили деньги за молоко, за самовары. А впослѣдствіе времени поставлена была кружка для сбора въ пользу труженицы; доходъ былъ хорошій, и промышленники-родственники дѣлились имъ съ кѣмъ нужно. Около ямы стали появляться больные, приходившіе за полученіемъ исцѣленія, слѣпые, хромые и порченые, выкликавшіе на разные голоса. Нищіе и сборщики и сборщицы на разныя вещи промышляли здѣсь вмѣстѣ съ другими. Слава о Машѣ Бусинской разносилась быстро, и село Бусино очень скоро прославилось и стало любимымъ праздничнымъ гуляньемъ Москвичей. Толпами валилъ туда народъ посмотреть на хорошенькую копательницу. Молодые купчики и офицерство, на лихихъ извозникахъ, съ кулечками винца, отправлялись туда на

цѣлую ночь, и село, доселѣ свѣжее и чистое, замѣтно стало развращаться. Такъ какъ лѣто приходило къ концу, а ожидаемая игона не выкапывалась, то и начали дѣлать приготовленія, чтобы пещера на зиму была теплая, и чтобъ устроить туда правильный ходъ, а надъ пещерой устроить часовню, словомъ, все какъ слѣдуетъ. Но среди этихъ распоряженій, въ одну ночь нагрянуло земское начальство, и все должно было прекратиться. Машу взяли и отвезли въ Москву, гдѣ на допросѣ она показала, что была научена, и сказала, кѣмъ именно, что никакого гласа она никогда не слыхивала, что ей очень наскучило сидѣть въ ямѣ и она хотѣла оттуда бѣжать, а обѣщанныхъ денегъ ей никогда не давали и пользовались ими только тѣ, которые ее научили. Кончилось тѣмъ, что Маша отдана была на покаяніе въ одинъ изъ женскихъ монастырей, а лица, учившія ее юродству, успѣли какъ-то отдѣлаться отъ всякаго суда и слѣдствія. Послѣ покаянія Маша жила въ селѣ Свибловѣ, на суконной фабрикѣ Кожев-

никова, въ суконницахъ, и какая была дальнѣйшая судьба этой дѣвочки, намъ неизвѣстно. Осталась-ли она честной крестьянкой, вышла ли замужъ и была доброй матерью, или, развившись среди ханжества и обмана, сама сдѣлалась ханжей или странницей. — Гдѣ ты теперь?

ОТЕЦЪ АНДРЕЙ.

Подъ именемъ *отца Андрея* извѣстенъ въ Москвѣ нѣкій петербургскій уроженецъ. Учился онъ, по его собственнымъ рассказамъ, въ С.-Петербургской Академіи, но былъ оттуда уволенъ до окончанія ученія; потомъ жилъ по разнымъ монастырямъ, въ томъ числѣ и въ московскихъ, за разныя продѣлки попался подъ слѣдствіе и содержался въ острогѣ. Пройдя такимъ образомъ, какъ говорится, огонь и воду и мѣдныя трубы, онъ принялся юродствовать. Прежде онъ все ходилъ босикомъ и въ бѣлой шляпѣ; а, разживясь немного, онъ завелъ себѣ разные костюмы для разныхъ случаевъ. Въ домъ богатой купчихи и на храмовые праздники онъ является въ одеждѣ послушника, подпоясанъ

ремнемъ, на головѣ скуфейка; въ домъ богатой барыни онъ приходитъ въ сюртукѣ и шляпѣ и даже съ лорнеткой, а на гуляньяхъ онъ бываетъ одѣтъ купцомъ или крестьяниномъ. Отцу Андрею лѣтъ около сорока; онъ хорошо сложенъ, у него правильныя черты лица, не очень длинныя, но въющіеся свѣтло-русые волосы, и красивая окладистая борода. Хотя обращеніе и всѣ манеры его грубы и угловаты, но онъ умѣетъ говорить по французски, да еще такимъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ, что такъ и влѣзетъ тебѣ въ душу, а потомъ и въ карманъ. Прійди въ общество ханжей, старухъ и старыхъ дѣвокъ, онъ начинаетъ толковать о смерти и адѣ, о своихъ великихъ согрѣшеніяхъ и называетъ себя великимъ грѣшникомъ. Идя же въ домъ еще болѣе благочестивый онъ надѣваетъ на себя вериги, зная, что его оставятъ тамъ ночевать, и устроитъ такъ искусно что, непремѣнно кто нибудь увидитъ его вериги. Приготовятъ ему мягкую и чистую постель, но онъ никакъ не ляжетъ на нее, а ляжетъ

на голомъ полу. «Поспишь здѣсь на жесткомъ,» говоритъ онъ, «на томъ свѣтѣ уснешь на мягкомъ.» На этомъ же основаніи онъ прикидывается великимъ постникомъ и въ домѣ ханжей съѣдаетъ только два грибка да солененькій огурчикъ. Явившись въ домъ богатой барыни-ханжи, рассказываетъ, что онъ дворянинъ, знатной фамиліи, что онъ до сихъ поръ еще ведетъ переписку съ знатными лицами духовными и свѣтскими, — рассказываетъ, что онъ оставилъ родительскій домъ и отказался отъ имѣнія *Boia radi*, съ малолѣтства возымѣвъ желаніе спасти свою душу, и при этомъ очень искусно проводитъ мысль, что онъ не случайный какой-нибудь, а добровольный, ради Христа нищенствующій великій подвижникъ. Но когда ему случится попасть въ кругъ молодыхъ купчиковъ и прикащиковъ, то картина совершенно другая. Тутъ отецъ Андрей дѣлается душою компании, рассказываетъ ужь не объ адѣ и адѣ, но о разныхъ своихъ похожденияхъ, и рассказы его, одинъ другаго свандальнѣе, текутъ не-

прерывно и неистоимо, возбуждая въ слушателяхъ смѣхъ, хохоть и рукоплесканья. Подадутъ водочки, онъ выпьетъ и споетъ разухабистую пѣсенку, а если есть гитара, то давай и гитару, и вся честная компанія гуляетъ: шумъ, крикъ, пѣсни, пляска. Одинъ *благочестивый* купецъ, зайдя разъ печально къ своимъ прикащикамъ, засталъ тамъ столь почитаемаго имъ отца Андрея среди полного разгула, да еще въ пятницу, а прикащики еще нарочно поставили передъ нимъ тарелку съ колбасой.

— Что ты это дѣлаешь, отецъ Андрей? вопрошаетъ изумленный почитатель юродиваго пройдохи.

Отецъ Андрей, нисколько не сконфузясь, отвѣчаетъ:

— А развѣ ты не читалъ въ Прологѣ, что угодники Божіи также ѣли колбасу?

Въ другой разъ одна барыня застала его

съ своей горничной въ очень интимномъ положеніи.

— Что ты батюшка, озарничаешь? сказала она, всплеснувъ руками.

— «Нѣтъ, матушка Матрена Ивановна,» отвѣчалъ пройдоха, «не озарничаю, а искушаю....»

Его часто можно было видѣть на тверскомъ бульварѣ, въ Александровскомъ саду, и особенно подъ вечеръ. Въ числѣ посѣщаемыхъ имъ домовъ извѣстенъ одинъ, принадлежащій нѣкоторой дѣвицѣ^{***}, принимающей у себя всевозможныхъ ханжей, старцевъ и старицъ, богомольцевъ и богомолокъ и пр. и пр. Но гдѣ истинно вѣрують въ отца Андрея, гдѣ предъ нимъ какой-то волшебной силой отворяются всѣ двери, куда-бы онѣ ни вели, даже въ спальню, — гдѣ отецъ Андрей блаженствуетъ, доставляя настоящее блаженство другимъ, — это въ Замоскворѣчьи. Онъ очень любитъ толковать про Палестину, и старается всегда узнать,

кто что думаетъ, и вотъ такимъ образомъ, потолковавъ немного, онъ такъ хитро обернетъ дѣло, что, не прося ничего, получаетъ щедрую подачу. Для него ничего не жалко: «Батюшка, отецъ Андрей, только бери!»

ИВАНЪ СТЕПАНЫЧЪ.

Иванъ Степанычъ, мужикъ лѣтъ пятидесяти, плѣшивый, съ бородой, одѣтъ на подобіе монастырскаго служки, говоритъ сладко и краснорѣчиво. Онъ изъ крестьянъ, былъ прежде извозникомъ-лихачемъ и стоялъ у Ермолая на Садовой, что возлѣ Козики, — на самомъ, то-есть, распрекрасномъ мѣстѣ. По случаю какого-то происшествія, онъ оставилъ извозничество, и отправился странствовать, потомъ явился опять въ Москвѣ, по уже юродивымъ, ходилъ босикомъ, пророчествовалъ и привлекъ къ себѣ много почитателей. Тутъ поймала его полиція, и, разыскавъ, признала его за бродягу, и онъ былъ посаженъ въ острогъ. Выйдя изъ острога, онъ уже сталъ ходить въ сапогахъ. Юродство уже оставилъ, и сталъ являться въ разные дома,

какъ *наставникъ* въ *благочестіи*, успѣлъ въ скоромъ времени собрать много денегъ, а еще больше *благодѣтелей* и *почитателей*, и основалъ на рѣкѣ Пахрѣ какой-то *пріютъ*.

Особеннымъ *расположеніемъ* пользуется онъ въ *Замоскворѣчьи* и на *Самотекѣ*, преимущественно у *богатыхъ купцовъ* и *купчихъ*, которые считаютъ его *посѣщеніе* за *благодать*. Придетъ *Иванъ Степанычъ* не *весель*, и всѣ знаютъ ужь, что *быть бѣдѣ*. Захворай кто-нибудь послѣ его *посѣщенія* хоть черезъ *мѣсяць*: «Ну, вотъ,» говорятъ, «*Иванъ-то Степанычъ* былъ *невесель*, «вотъ и захворала *Акулина Михайловна!*» Умри кто-нибудь черезъ *полгода*: «Вотъ, скажутъ, *Иванъ Степанычъ*-то все *хмурился*,—вотъ оно къ чему!»

Онъ очень любитъ читать *людямъ поученія*, и очень *недоволенъ* *современною жизнію*, что *люди мало* *подають* отъ *своихъ богатствъ*, на что, *впрочемъ*, ему *жаловаться* *нельзя*. У него на *каждомъ шагѣ* такіе *благодѣтели*, которые *валятъ* въ него *тысячами*, и сами не *понимають* *цѣли* *своей* *необыкновенной*

щедрости. Тутъ нѣтъ даже и ложнаго понятія о благочестіи, нѣтъ и оболъстительной мысли о самоспасеніи посредствомъ денегъ, тутъ одно крайнее тупоуміе: Иванъ Степанычъ блаженный— ну такъ и вали ему деньги! Купецъ бьетъ своего *мальчика* за лишній съѣденный имъ кусокъ хлѣба, мальчикъ этотъ въ лавкѣ мерзнетъ, не имѣя калошъ, а часто и шубы, мальчикъ этотъ съ трудомъ выпросить у хозяина гривну, чтобъ сходить въ баню, мальчикъ этотъ и въ воскресенье цѣлый день на работѣ да на побѣгушкахъ и, сохрани Боже, если онъ вздумаетъ пойти въ воскресную школу—забьютъ!—Между тѣмъ приди Иванъ Степанычъ, и этотъ же несчастный мальчикъ бѣжить, по приказу хозяина и за мягкими калачами, и за краснымъ дорогимъ винцомъ, и за икрой. Большая часть тысячъ, которыя купцы наживаютъ, обмѣривая и обвѣшивая по эту сторону рѣки, на той сторонѣ, въ Замоскворѣчьи, идетъ на Ивана Степаныча, на ханжей, и на подобныя дѣла благочестія.

Вотъ живутъ въ Москвѣ двѣ богатѣйшія купчихи; мать вдова тратитъ ежегодно по нѣскольку тысячъ на старцевъ и старицъ, не отстаетъ отъ нея и дочка, которая, кромѣ того, платитъ ежегодно по 5000 р. сер. французу парикмахеру за уборку головы каждый день, а спросите у нихъ, дали ли онѣ что-нибудь для воскресныхъ школъ? были-ли онѣ хоть въ одной такой школѣ?—ничего, никогда! Только и слышишь отъ нихъ, что жалобы на полицію, отчего она не ловитъ воровъ, отчего вездѣ страшное воровство и т. п. Да помилуйте, что можетъ сдѣлать самая лучшая полиція, когда вы, вы всѣ, составляющіе общество, только и дѣлаете, что воспитываете воровъ. Вотъ ряды глухихъ бѣдныхъ переулковъ, гдѣ толпы дѣтей, оборванныхъ и босоногихъ, воспитываются тѣмъ только, что даетъ имъ улица, гдѣ они бѣгаютъ съ утра до ночи. Вотъ *Ножевин линія*, гдѣ возлѣ каждой лавки толчется два или три *мальчика*, все ученіе которыхъ состоитъ въ неистовомъ зазываніи въ лавку, да въ присматриваніи,

какъ хозяинъ обмѣриваетъ, какъ запрашиваетъ въ три-дорого. Вотъ, наконецъ, въ Москвѣ вырастаютъ толпы извѣщиковъ, которые обыкновенно начинаютъ свое ремесло мальчижами лѣтъ 9 и 10-ти. Ну скажите, что-жъ вы сдѣлали для этихъ бѣдныхъ? Ничего ровно ничего! Ну, такъ и не жалуйтесь на воровъ, и молчите.

Но возвратимся къ Ивану Степанычу. Есть у него свой скотный дворъ, и изъ своего скотнаго двора онъ посылаетъ своимъ благодѣтелямъ разные дары: куръ, телятъ, яйца, творогъ, сметану, и такой благодѣтель, получивъ, напримѣръ, горшокъ смѣтаны, сначала отдариваетъ за нее золотомъ, а потомъ съ благоговѣніемъ кушаетъ эту смѣтану съ жирными щами со свининкой, и поглаживая брюшко, строго наказываетъ оборванной и грязной кухаркѣ, чтобъ она хорошенько покрывала эту сметану, да какъ можно бы берегла ее: «она вѣдь отъ Ивана Степаныча!»

**ТАТЬЯНА СТЕПАНОВНА
БОСОНОЖКА,**

и

ФИЛИПУШКА.

Въ сороковыхъ годахъ на московскихъ улицахъ появилась молодая дѣвица, лѣтъ двадцати, не дурная собой, стройная; распущенные ея волосы были покрыты чернымъ платкомъ, а ноги босы. Въ это же время бѣгалъ въ Москвѣ извѣстный Филипушка, съ огромной палкой, на которой сидѣлъ литой мѣдный голубь, самая же палка была вѣсомъ около пуда; въ другой рукѣ у него былъ колокольчикъ, и онъ въ него звонилъ.—Одежда у него была полу-монашеская. За Филипушкой постоянно бѣгала толпа женщинъ и мальчишекъ; первымъ онъ говорилъ разныя непо-

нятные рѣчи, а вторымъ кидалъ деньги и пряники, и всѣхъ поздравлялъ съ ангеломъ. Прибѣжить онъ, бывало, на площадь къ Спасскимъ воротамъ, раздастся звонъ колокольчика, и выбѣгаютъ толпы рядскихъ торговцевъ, окружаютъ Филипушку и внимаютъ его вѣщимъ рѣчамъ. Прибѣжить онъ въ трактиръ, и появленіе его приведетъ всѣхъ въ ужасъ, и никто не знаетъ, что сказать ему, что дѣлать. Теперь ужь онъ не бѣгаетъ по Москвѣ, хотя часто бываетъ въ ней; живетъ онъ теперь въ одной изъ московскихъ пустынь и палка у него тяжелая, какъ прежде, но ужь безъ голубя. Единовременное появленіе этихъ двухъ юродивыхъ нарушило безмятежную жизнь Москвы; Замоскворѣчье, Рогожская и другія богатая слободы встрепонулись, и пошли вездѣ толки, что быть чему-то недоброму. Только и говорили вездѣ, что о двухъ новоявленныхъ юродивыхъ.

— Видѣли-ли вы, матушка, Филипушку?
спрашиваетъ одна купчиха другую.

— Нѣтъ, матушка, не видала еще.

— Да не грѣхъ ли это вамъ?

— Да гдѣжь его увидать-то, матушка?

— Какъ гдѣ? Захочете—такъ увидите. Я три дня за нимъ ѣздила, и только на третій день привелъ Богъ найти его въ Новой Слободѣ.

Одни говорили, что быть голоду въ Москвѣ, другіе, что придетъ холера, третьи ждали комету, отъ которой должна была провалиться земля. А дряхлыя старушки, помнившія еще чуму говорили, что будетъ непременно чума, потому что и передъ первой чумой являлись разныя предзнаменованія. Толковали вездѣ: на рынкахъ, въ трактирахъ и баняхъ. Московскія вѣстовщицы сбились съ ногъ, бѣгая по своимъ благотѣтельницамъ, и передавая собранныя свѣденія о томъ, гдѣ и какъ живутъ новоявленные личности, надѣлавшія столько шума. Филиппушка не имѣлъ постоянного дома, живя нынче—здѣсь, завтра—тамъ; онъ былъ изъ крестьянскихъ дѣтей и занимался прежде извозничествомъ. Юродивая дѣвушка называлась сначала Татьяной, а по-

томъ Татьяной Степановной босоножкой. Она была изъ купеческаго рода, сирота, жила въ одномъ дворянскомъ домѣ, и получила тамъ порядочное воспитаніе; было у ней какое-то неудачное любовное дѣльце, заставившее ее оставить дворянскій домъ; она ушла, познакомилась съ ханжами и принялась юродствовать. Проживала она на Плющихѣ, въ своемъ домѣ; съ ней вмѣстѣ жили ея сестры. Принимая къ себѣ посѣтителей, она сначала не брала никакихъ предлагаемыхъ ей даяній, но потомъ, понаторѣвъ въ своемъ ремеслѣ, сама стала изыскивать для поживы разные средства.

Она сначала все отчитывала порченныхъ и больныхъ, потомъ распустила слухъ, что явилась у ней въ домѣ чудотворная икона, и толпы народа осаждали ее съ утра и до ночи. Она продавала свѣчки, которыя усердствующіе ставили передъ иконою, раздавала за деньги пузырьки съ масломъ отъ иконы, и даже поставила кружку для сбора приношеній. О себѣ она говорила всѣмъ, что

будто ей въ сновидѣнiяхъ бывають разные гласы и явленiя, и посѣщавшимъ ее предсказывала будущее. Старухи-ханжи, старыя дѣвки и несчастныя молодыя дѣвушки, которыя по совѣтамъ босоножки отказывались выходить замужъ, жили у ней съ утра и до ночи, а инныя даже оставались ночевать. Эти постоянныя собранiя у босоножки, недосказанныя чудеса отъ иконы, и разные неблаговидныя сцены, бывавшiя тайно по ночамъ,—все это обратило на себя вниманiе начальства, и икона была взята въ одинъ изъ московскихъ монастырей, а босоножкѣ приказано было прекратить всякiя денныя и ночныя сборища. Послѣ этого Татьяна Степановна собиралась выдти замужъ. Удалось ли это ей, или нѣтъ, мы не знаемъ. Она давно уже утратила свою молодость и поустарѣла, и теперь занимается сватовствомъ и другими подходящими къ этому дѣлами. Постоянными посѣтительницами ея дома старыя дѣвки съ оболонками, и никогда не увядаемыя вдовицы съ мосьями. Преоб-

ладающій запахъ въ ея комнатахъ — запахъ
бѣлилъ, румянъ и тому подобныхъ снадо-
бей: только отворишь дверь, такъ и тебя об-
дасть.

МАРЬЯ ИВАНОВНА СКАЧКОВА,

лѣчившая водой.

Въ тридцатыхъ годахъ, въ одной изъ московскихъ богадѣлень, проживала бѣдная дѣвушка изъ купеческаго рода Скачковыхъ, кинутая своими родными на произволь судьбы, и кромѣ того обиженная природой: она была хрома, кривобока и едва двигалась. Сорокъ лѣтъ жила въ этой тѣмѣ Марья Ивановна, и вдругъ начала рассказывать другимъ богадѣленкамъ, что она во снѣ слышала голосъ, говорившій ей: «Марія, благословляй воду на исцѣленіе другихъ!» Видѣніе это повторялось нѣсколько разъ. И вотъ однажды приходитъ въ богадѣльню какой-то мужикъ и спрашиваетъ Марью Ивановну, объясняя,

что ему былъ сонъ, въ которомъ онъ видѣлъ, что шолъ въ Москву въ такую то богадѣльню, спросилъ такую-то и попросилъ ее благословить воду для исцѣленія своей жены. Марья Ивановна исполнила просьбу мужика и благословила воду. Спустя нѣсколько времени послѣ этого приходила въ богадѣльню такая-то барыня и тоже отыскивала Марью Ивановну по сонному видѣнію для благословенія воды. Слава о Марьѣ Ивановнѣ росла, въ ней съѣзжались московскія барыни и купчихи, наконецъ она исцѣлила одного богатаго откупщика и этимъ приобрѣла еще большую славу. Откупщикъ взялъ ее изъ богадѣльни и помѣстилъ въ мѣщанской улицѣ въ отлично ошеблированной квартирѣ. Марья Ивановна вдругъ произведена была въ барыню, чудесную цѣлительницу; взяла она себѣ въ компаньонки одну дѣвушку бѣдную дворянку, для которой она въ послѣдствіи купила тотъ домъ, гдѣ теперь жила; у нея былъ и поварь, и карета, и пара лошадей, на которыхъ она разъѣзжала по монастырямъ и по

знакомству. А знакомство у ней образовалось большое, все это были люди знатные и богатые; всё они глубоко вѣровали въ Марью Ивановну, имѣвшую на нихъ чрезвычайное вліяніе, и безпрекословно исполняли малѣйшую ея волю. Отвсюду ей везли и несли, что только захочется ея душенькѣ, и цѣлый домъ наполненъ былъ различными бездѣлушками, — и чего-то ей не дарили! И табакерки съ музыкой, и поющихъ птичекъ, и священныя книги, и шитыя ковры, и дорогія подушки, и всякія лакомства, и чего только у ней не было! Особенно богачъ откупщикъ считалъ святымъ дѣломъ исполнить всякую ея прихоть. Разъ уѣзжая въ Петербургъ, онъ просилъ у ней благословенія и спрашиваетъ, какого бы ей оттуда привезти гостинцу. — Привези мнѣ, говоритъ Марья Ивановна, органъ, который бы игралъ обѣдню. Какъ ни трудно было отыскать такой органъ, но откупщикъ его отыскалъ, и у ней былъ органъ, который игралъ обѣдню. Боготворилъ ее также одинъ генераль, занимавшій очень видное мѣсто.

Онъ, бывало придетъ, соберутся двое-трое важныхъ стариковъ, ея усердныхъ поклонниковъ, запрягутся все они въ колясочку на ресорахъ и катаютъ Марью Ивановну по саду. Знатныя московскія барыни и всякіе богатые люди считали за честь быть знакомыми съ Марьей Ивановной, и каждый день около ея дома стояли десятки экипажей. Одни посѣщали ее изъ благоговѣнія, — другіе, потому что знакомство съ ней считалось въ то время такою же модой, какъ и посѣщеніе находившагося тогда на Тверской *Изидина храма*, гдѣ также предлагались вопросы о будущемъ, и невидимый голосъ давалъ отвѣты. На основаніи того, что Марья Ивановна была необыкновенная женщина, не похожая на остальныхъ смертныхъ, она обращалась съ своими знакомыми свысока, даже грубо, что еще выше поднимало ее въ общемъ мнѣніи. Всѣхъ, безъ различія званія и пола, она называла одними только именами: Иванъ, Степанъ, Ольга, Катерина, Анна и т. под., хотя эти Иваны и Степаны, послушные ей какъ овечки,

считались въ мѣрѣ самыми сильными людьми. Въ ея гостинной рѣшались разные общественныя и домашнія дѣла; тутъ возстановлялся миръ между мужемъ и женою, отцемъ и сыномъ, и примиренные всегда считали долгомъ принести виновника этого какою-нибудь жертву. Черезъ нее получались выгодныя мѣста. Всякой, обратившійся къ Марьѣ Ивановнѣ и успѣвшій заслужить ея расположеніе, получалъ всегда отличное мѣсто, потому что стоило сказать ей: «Иванъ, дай мѣсто Петру,» и мѣсто давалось безпрекословно. «Или: «Григорій, опредѣли такого-то,» и такого-то сейчасъ опредѣляли. Иногда же Марья Ивановна не обращалась прямо въ Ивану или Григорью, а дѣйствовала черезъ посредство барынь. — «Лизавета, говорила она какой-нибудь Графинѣ, помѣсти Андрея.» — «Слушаю-сь,» была отвѣтъ. И когда нужно было, Марья Ивановна умѣла настоять на своемъ.

— Елена, говорила она, опредѣли Михайлу.

— Да это, матушка, не отъ меня зависитъ.

— Знаю, что не отъ тебя, да ты попроси: ты вѣдь знаешь, кого попросить.

— Слушаю-сь.

— Ну такъ не огорчи же меня.

Въ ея домѣ писались и подписывались духовныя такими людьми, которымъ въ другомъ мѣстѣ и помянуть объ этомъ не смѣли. Но если Марья Ивановна заговаривала объ этомъ, то они ужь молча покорялись, и всякой думалъ про себя: ну, вѣрно скоро умирать, коли Марья Ивановна велѣла писать духовную! У ней заключались браки; всѣ новости текущей жизни Москвы и Петербурга ей были извѣстны и слава ея не только не уменьшалась, но еще больше увеличивалась. Ходила она въ черномъ, волосы стригла по мужски и голову иногда покрывала шапочкой. Собою была худощава, мала ростомъ, имѣла пронзительные глаза и рѣзкій голосъ. При ея выѣздахъ, огромные лакеи брали ее на руки и носили въ карету и изъ кареты. Вся сила ея, по преимуществу, состояла въ томъ, что

она благословляла воду, получавшую отъ этого цѣлительное свойство. Но въ послѣдніе годы, какъ мы уже отчасти видѣли, къ ней многіе ѣздили не за водою уже, а за другими вещами. Слава о Марьѣ Ивановнѣ достигла сѣверной Пальмиры, и тамошніе знакомые московской знати стали подзывать туда Марью Ивановну. Сначала она отказывалась ѣхать, какъ будто предчувствуя что-то недоброе, но самолюбіе, что она взойдетъ еще ступенью выше, превозмогло, и она отправилась. Въ Петербургѣ была для нея приготовлена роскошная квартира. Выѣхала она благополучно, но на дорогѣ почувствовала себя больной, въ Торжкѣ скончалась и тамъ была погребена съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Все имѣніе ея досталось бывшей ея компаньонкѣ Катеринѣ. Катерина впоследствии поступила въ монастырь и умерла постриженною.

АГАША.

Агаша—это пятидесятилѣтняя старушка— юродивая, съ блѣднымъ лицомъ, въ заячьей шубкѣ, въ черномъ платѣ, и съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. Она, безъ сомнѣнія, изъ крестьянокъ, потому что изъ барынь никогда не выходили юродивыя: барыни только умѣютъ спастись посредствомъ юродивыхъ! Ее крїютили прежде въ Алексѣевскомъ монастырѣ, но когда его упразднили для построенія на мѣстѣ его храма Спасителю,—она перебралась въ Вознесенскій монастырь. Сюда-то долгое время собирались къ Агашѣ барыни и купчихи, узнать у ней о будущемъ, спросить о покражѣ. словомъ—отвести себѣ душу въ бесѣдѣ съ существомъ, которое онѣ считали несравненно высшимъ себя. Винить ли за это ба-

рынь и купчихъ? Эти барыни и купчихи, во всякомъ случаѣ, живые люди,—во всякомъ случаѣ ихъ сердце и душа требуютъ болѣе возвышенной и духовной пищи, чѣмъ забота о модныхъ шляхахъ или жирной рыбицѣ,—и, что жъ прикажете дѣлать, когда выѣ бесѣды съ юродивыми онѣ не знаютъ ничего, что могло бы нравственно возвысить чело-вѣка! Для здороваго крестьянина такая ду-ховная пища—въ пѣснѣ, старинной отцовской пѣснѣ, много говорящей неспорченному серд-цу, для ученаго—въ наукѣ, для молодости—въ романтизмѣ надеждъ и стремленій, для гражданина и граждаки—въ высокомъ служе-ннн отчизнѣ, но для московской купчихи или барыни ничего подобнаго не существуетъ. Весь ихъ идеальный мнръ нейдетъ дальше рыбицы, да здоровннѣйшаго кучера, да тол-стѣйшей лошади, и непременно какого ни-будь юридика. И лже-юродивые, понимая очень хорошо свое высокое общественное значеніе, и держать себя, какъ можно выше и величественнѣе. Сколько барынь, которыя,

изгоняемая покойнымъ Юпитеромъ, глаголемымъ «Иванъ Яковлевичъ,» бѣжали отъ него смиренныя, покорныя его всемогущему приговору.—бѣжали, лобызая прахъ его моговища.. Это понимала и Агаша. Бывая въ церкви, она нисколько не церемонилась: была какъ дома, разговаривала громко и, когда нужно, смѣялась. Ходя по церкви и ставя свѣчи передъ иконами (всѣ обыкновенно ей давали ставить свѣчи) она подходила къ той, или другой иконѣ и говорила «это тебѣ, Иванушка!» «Это тебѣ, Николаша,—одна отъ меня, а другая отъ рабы божьей Дарьи.» А раба божья Дарья слышитъ и начинаетъ усиленно кланяться и молиться. Агаша умерла. Прости страдалица, что потревожили мы убогую могилку, гдѣ твое крестьянское Горе-Злосчастіе успокоилось наконецъ отъ всевозможнаго юродства!

МАРФА ГЕРАСИМОВНА.

Марфа Герасимовна — тоже из крестьянокъ какъ будто специально созданныхъ для юродства. Прозывалась она *Хотьковской*, и была *затворницей*. Въ затворѣ пребывала она лѣтъ тридцать, и чрезвычайно рѣдко, въ нѣсколько лѣтъ разъ, рѣшалась выходить на Божій свѣтъ. Каждый выходъ ея изъ затвора принимался за предзнаменованіе какого нибудь великаго несчастія, возбуждалъ говоръ, наводилъ на всѣхъ ужасъ, и начинали являться разныя видѣнія ... «Гляди-на матушка, говорили, мать Марфа Герасимовна вчера изъ затвора выходила—быть бѣдѣ, быть бѣдѣ!» Неслось повсюду слово «бѣда», и вотъ одна слышала звонъ на колокольнѣ, въ полночь, другая сказала, что идетъ антихристъ, пшестъ пламя изъ него и все то поналяетъ.

Въ воздухѣ и на землѣ чудились страшила. Дѣти, толпами живущія по близости, плакали и по вечерамъ боялись выйти на дворъ. Даже кошки и коты, не знавшіе никакихъ страховъ, и тѣ, встрѣчаясь нечаянно съ своими перепуганными хозяйками, сами пугались и бросались въ сторону, и тѣмъ наводили еще пущій страхъ. Но Марѳа Герасимовна снова вошла въ ватворъ, снова начала цѣлеть кружева, высовываться изъ своего окошечка и изрекать оттуда кару или спасеніе, смотря потому, какъ ей вздумается. Снова толпы купчихъ и барынь тѣснятся у ея окошечка, ожидая ее по часу или по два. Пришли и пріѣхали онѣ къ ней попросить благословенія на бракъ дочери и получить знаменіе—т. е. кружевца. Подойдутъ къ окошечку, благословятся, просунуть туда калачъ или сайку, и деньги, чтобъ задобрить и склонить къ себѣ идола,—и скажутъ: пожалуйста, матушка, кружевца—дочку замужь отдаю! Дала кружево—цалуютъ и прячутъ; не дала или отказала—это великое несчастіе. «Нѣту, скажетъ Марѳа

Герасимовна, не нашла еще» — и это ужь навѣрно значить, что не выйдетъ судьба ей дѣтищу, — или мужъ пьяница, или сама умретъ пожалуй, и вотъ идетъ и плачется несчастная маменька. А кого она удостоитъ кружевомъ, то всѣ начинаютъ спрашивать, въ чемъ Марѳа Герасимовна подходила къ окошечку, скоро дала или нѣтъ, длинное дала кружево или короткое, широкое или узкое — и, смотря по отвѣту, дѣлаютъ приличные гаданія. Вотъ подошла къ окошку старушка мѣщанка, и причитаетъ умильнымъ голосомъ: «дай ты, матушка Марѳа Герасимовна, дай ты, матушка, дитящѣ-то моему, Настѣ, благословеньце-то». Сайка сунута, сунуть и двугривенный, но Марѳа Герасимовнѣ больно надоѣли, она подошла къ решеткѣ, зарычала и ушла, а бѣдная мѣщанка столичнаго города Москвы начинаетъ выть и голосить, что и великая-то она грѣшница, которой Марѳа Герасимовна и кружевца то не пожаловала, и какъ ей быть теперь бѣдной, куда дѣваться и что соорудить съ дѣтищемъ....Получаемая

отъ затворицы кружева, матери отдають дочерямъ вмѣстѣ съ приданымъ: дочки берегутъ, чтобъ въ свою очередь передать въ наслѣдство своимъ дѣточкамъ. Деньги же, которыя давали Марѣ Герасимовнѣ, она все копила, копила, и послѣ смерти нашли у нея цѣлыя вучи мѣдныхъ и серебрянныхъ монетъ, и бумажекъ, успѣвшихъ подвергнуться тлѣнію.

ИВАНЪ СТЕПАНЬИЧЪ,

**КИНОВІАРУХЪ И БЛЮСТИТЕЛЬ ЖЕНСКОЙ ПЕХОРСКОЙ
КИНОВІИ.**

Иванъ Степановичъ, родомъ съ Пахры, изъ крестьянъ. Переѣхавъ изъ деревни въ Москву, онъ рѣдко пользовался случаемъ побывать на родинѣ, и ожить немного въ отцовской семьѣ отъ угара городской цивилизаціи, а поэтому Москва наложила на него всю тяжелую руку свою. Съ малолѣтства онъ занимался извозничествомъ, и подобно большей части своихъ товарищей по ремеслу, очень рано сдѣлался замѣчательнымъ плутомъ. Онъ зналъ подробно всѣ пути наживы, зналъ всѣ бани и всѣ заведенія. Бойкій мальчикъ, онъ лихо каталъ гулякъ, охотниковъ въ солдаты, да жуликовъ;

4*

лихо умѣлъ подкатить къ барышнѣ, подхватить ее и прогулять съ ней двадцать рублей гдѣ нибудь на *Волжскій долины*, иль на *Балкань*, иль гдѣ нибудь въ захоlustьи. Сдѣлался онъ *лихачемъ*, и стоялъ близъ Козихи у гостиницы Полтава, но судьба ему не повезла. На постояломъ дворѣ, гдѣ онъ жилъ, случилась какая-то значительная пропaja, пало подозрѣнiе на Ивана Степаныча; онъ заперся и забожился. Дали ему присягу, онъ и присягу принялъ; и хотъ былъ оправданъ судьями, но ужъ съ тѣхъ поръ ни одинъ хозяинъ не бралъ его въ работники. Иванъ Степанычъ сталъ бродяжничать, года два рдѣ то пропадалъ, потомъ вдругъ явился въ Москвѣ босымъ, въ видѣ юрода и блаженнаго, и тутъ случилась ему неудача. Попался онъ въ полицію, за то, что не имѣлъ паспорта, да еще былъ замѣченъ въ какихъ-то крѣпкахъ. — Его взяли и посадили въ острогъ. Будь это другой кто нибудь, — ему не счастья бы отъ *Владимири*, но Иванъ Степанычъ, енираясь уже на свою юродственную знаме-

нѣтность, и задумалъ обратиться къ Ивану Яковлевичу. Иванъ Яковлевичъ пишетъ о немъ одному вліятельному лицу, вліятельное лицо хлопочетъ объ освобожденіи Ивана Степаныча, и его освобождаютъ, обзавъ подпискою не бродить. Выпущенный на волю онъ идетъ къ Ивану Яковлевичу благодарить его и просить у него благословенія на основаніе молитвеннаго дома на Нахрѣ. Иванъ Яковлевичъ благословляетъ его, и приказываетъ всѣмъ московскимъ ханжамъ, чтобъ шли они на жительство съ Иваномъ Степанычемъ. Начинають собираться къ нему вдовы купчихи, странницы, и всѣ, засидѣвшіяся въ дѣвкахъ, и приносятъ съ собою большія деньги. Купечество, лишь узнадо объ этомъ, жертвуетъ, Ивану Степанычу капиталы. Вдовы купцы, ѣздятъ къ нему на богомолье, и проживаютъ у него дня по два по три. Никто не уѣзжаетъ безъ вклада. Одинъ жертвуетъ деньгами по 3000 въ годъ, другой даритъ сестрицъ миткалемъ и ситчикомъ. Иванъ Степанычъ выстроилъ обширное зданіе для сестеръ, завелъ

скотный дворъ, и снабжаетъ своихъ благо-
дѣтелей творожкомъ и молочкомъ, и молочко
отъ Ивана Степаныча пьютъ только на то-
щакъ, какъ лѣкарство. Посѣщая Москву, онъ
является въ церквахъ, и во время службъ
обличаетъ людей, которые крестъ кладутъ не
истинно (т. е. по старовѣрчески), не такъ какъ
православные, обличаетъ и тѣхъ, которые ни-
щимъ милостыни не подаютъ, а сами курятъ и
нюхаютъ зеліе скверное, изъ утробы блудницы
произшедшее. Ходя по купечеству, онъ собираетъ
пожертвованія, строить на Пахрѣ храмъ, и на
освященіе его съѣзжается чуть не вся Москва.

КИРЮША.

Кирюша изъ крестьянъ Тульской губерніи. Первоначальная исторія его жизни неизвѣстна, — знаешь, что долгое время проживалъ по разнымъ монастырямъ и отовсюду изгнанный, какъ онъ выражается, *за благочестіе*, прибывъ въ столичный городъ Москву, въ чинѣ наставника и учителя, и узрѣвъ во оную приснопребывающую въ семь градъ простоту души и довѣріе, онъ явился прорицателемъ судебъ, и поселился на Зацѣи. Это былъ мужикъ благообразный съ виду, лѣтъ сорока, немного сухошавый, блѣдный, съ небольшою свѣтлорусою бородою, блестящею носѣдью, — начитанный и краснорѣчивый. На вопросы, отовсюду обращавшіеся къ нему, — что онъ? и кто онъ? — у него былъ

одинъ отвѣтъ, смиренный и кроткій: *азъ есмь рабъ Божій Кирюша*. Носилъ онъ спереди сумку, и ее никогда не снималъ. Дѣйствуя себя-по-умѣ, онъ сначала ни къ кому ни ходилъ, и его трудно было позвать въ гости.— «Батюшка, Кирюшенька, упрасивали его купчихи, зайти чайку отгушать.»— Не пойду, не пойду, отвѣчалъ онъ; радъ бы знаете, да святые не велютъ.» Такіе темные намёки еще болѣе раздражали любопытство, и понятно, какова была радость, когда одной мушкетёршѣ, известной въ замоскворѣчьи, удалось замучить его къ себѣ. Войдя на дворъ; онъ началъ креститься, но дойдя до крыльца, закричалъ благимъ матомъ: «полы не мыты, поды не мыты! псы были, псы были!» и ушелъ. Купчиха уразумѣла, что это значило, и рассказывала, что вчера былъ у дочери ея учитель, и вотъ батюшка-то угадалъ, что она пустила въ домъ бусурмана. Учителя прогнали, вымыли полы, окна и двери, весь домъ опренили святой водой, и послали за Кирюшей, пригласивъ предварительно всѣхъ

родныхъ и знакомыхъ придти посмотрѣть, дакъ Кирюша будетъ показывать свою святость. Собрались и Марья Климовна и Дарья Ефимовна, и Федосья Ивановна, и Аграфена Тимофеевна. Разговаривая шопотомъ, онѣ разсказывали о томъ, какой это великій провидецъ Кирюша, охали и ахали, но вотъ вбѣгаютъ въ комнату кучеръ и дѣвка, и кричатъ: идетъ!» Тихой поступью, склоня немного голову, какъ будто думая о чемъ-то, шелъ Кирюша. Войдя въ квартиру, поклонился на всѣ стороны, потребовалъ столъ и чистую скатерть, ведѣлъ зажечь восковыя свѣчи, снялъ сумочку, и, обращаясь къ собранимъ женамъ, спрашивалъ ихъ: «мужатицы вы, или вдовицы?» когда послѣдовалъ единогласный отвѣтъ, что всѣ мужатицы, т. е. замужнія, то онъ спросилъ еще: «чисты вы, или нѣтъ? Если не чисты, то не приступайте, иначе обличены будете.» Послѣдовалъ робкій отвѣтъ, что всѣ чисты, и тогда онъ приказалъ всѣмъ кланяться до земли, а самъ, ставъ на колѣни передъ столомъ, началъ вы-

нимать изъ сумки разные вещи. Вотъ, говорить онъ, покажу вамъ прежде воду—тѣмъ Египетскую, что напущена на Фараона, и показываетъ какую то стекляночку, изъ которой всѣ прикладываются. А вотъ, говоритъ, часть младенца, убитаго Иродомъ, а это камень, взятый Моисеемъ, при переходѣ черезъ Черное море, а это кость изъ того кита, въ которомъ пребывалъ пророкъ Іона, а это копыто валаамской ослицы, и пр. и пр. Изъ того что было здѣсь показано, много было продано и за большія деньги, остальное пораскупили всѣ знакомыя мушничихи.

Кирюша вошелъ въ славу. Онъ отчитывалъ больныхъ, лѣчилъ дѣтей отъ бессоницы, но, не смотря на все свое благочестіе, не могъ спастись отъ сѣтей лукаваго, который хочетъ уловить всякаго блаженнаго человѣка. Посѣщая одну набожную портниху, Кирюша влюбился въ ея мастерицу. Денегъ было много, онъ взялъ ее отъ хосроу и открылъ ей магазинъ; но она, не только внимала у него весь капиталъ

тотчасъ выгнала его вонъ, а сама вышла за мужъ. Репутація Кирюши была потеряна; онъ сталъ загуливать, но потомъ снова поправился, и теперь говорятъ, онъ одинъ изъ извѣстныхъ въ Москвѣ старьевщиковъ—кулаковъ.

НИКАНОРЪ.

Отпущенникъ помѣщика Викулина, по имени *Никаноръ*, ловкій малый, жилъ себѣ уединенно въ Воронежѣ на Богоявленской горѣ. Присмотрѣвшись къ толпамъ отвсюду стекавшимся богомольцевъ, для поклоненія вновь открытымъ мощамъ св. Митрофанія, и грѣшко соблазнившись возможностью набрать трудовыхъ, чужихъ грошей, Никаноръ облачается въ черную власяницу, отращаетъ себѣ бороду и волосы, и превращается такимъ образомъ въ *отца Никанора*. Въ этомъ новомъ чинѣ онъ сначала терся около простосердечныхъ пришельцевъ—мужичковъ и бабъ; потомъ, прискавъ себѣ ловкихъ *пидбрихачей*, вдругъ скрылся; затѣмъ разнесся слухъ, что Никаноръ *затворился* и жажду-

цннъ ирорицастъ будущее. Для этой новой профессии онъ придумалъ слѣдующую приличную обстановку: избралъ себѣ тѣсную келью, въ которой устроилъ уставленную сверху до низу иконами божницу съ неугасимыми лампадами и свѣчами, а посреди комнаты поставилъ черный гробъ, вмѣщавшій въ себѣ послѣдніе атрибуты жизни—покрывало, свѣчи и ладонь. Въ этой-то свѣтлицѣ—конечно, только лишь въ присутствіи постороннихъ, падалъ онъ ницъ и молился. Усердные глашатаи зазывали богомольцевъ—удостоиться чести побывать у затворника Никанора. Толпами валилъ *темный и невидущій* людъ въ открытую западню съ посылными приношеніями. Никаноръ, ничѣмъ не стѣсняясь, *благословлялъ* посѣтителей и вралъ все, что могъ. Удавшаяся спекуляція и жажда славы, соединенной съ богатыми дарами, довели его вотъ до чего: въ кельи Никанора, посредствомъ проверченной въ потолокъ дыры, сталъ слышаться *гласъ свыше*, отпускающій грѣхи лежащимъ на полу въ покаянномъ смиреніи бабамъ. Но,

въ счастію, *младъ* этотъ, при всей своей мягкости, достигъ до слуха полиціи и отецъ Никаноръ изгнанный изъ затвора, женился на дочери лѣснаго сторожа въ дачѣ купца А-на. Дальнѣйшая судьба этого проказника окончилась ссылкой въ Сибирь, за какія-то новыя дѣянія.

АНТОНУШКА.

Небольшаго роста, съ рѣдкой сѣденькой бородкой, въ сѣрой свиткѣ, пожилыхъ лѣтъ, отъ природы неизмѣвшій разсудка, простой мужикъ одной изъ близъ лежащихъ къ Задонску деревень—*Антонушка* имѣлъ постоянное пребываніе въ этомъ городѣ и славился тамъ какъ юродивый прорицатель и псевдо-чудотворецъ. Многіе приходили и пріѣзжали къ Антонушкѣ въ Задонскъ изъ другихъ уѣздовъ съ больными дѣтьми просить исцѣленія. Такъ Усманскаго уѣзда, села Чамлыка мѣщанка, Елена Васильева Солодовникова, у малолѣтняго сына которой поражены были неизлѣчимымъ недугомъ ноги, ходила съ нимъ въ Задонскъ къ Антонушкѣ. Пришедши къ нему въ комнату, мать больного поднесла ребенка и просила совѣта, чѣмъ лѣчить его.

4**

Антонушка поплевалъ на ноги больного, потеръ ихъ своими слюнями и сказалъ—теперь будетъ здоровъ. **Рыцарю**, предсказаніе не исполнилось. Изъ всѣхъ городовъ Воронежской губерніи ни одинъ не находится въ такомъ близкомъ общеніи съ губернскимъ, какъ Задонскъ. Жители Воронежа всѣхъ сословій, половъ и возрастовъ, часто посѣщая Задонскій монастырь, свѣдали и объ Антонушкѣ. По свойству ли человѣческой природы, жаждущей узнать о своей будущей судьбѣ, или просто въ слѣдствіе особеннаго сочувствія въ нѣкоторыхъ личностяхъ къ пустосвятству, — безсвязнымъ и бессмысленнымъ лаконическимъ фразамъ Антонушки, общество, преимущественно женщинъ, придало таинственный, духовный смыслъ пророчества. Антонушка до того пошелъ въ ходъ, что въ Воронежѣ ощущалась потребность присутствія его на продолжительное время. Одна смѣтливая ханжа взялась доставлять по временамъ обществу это псевдо-духовное наслажденіе; она дала у себя въ домъ постоянный пріютъ пріѣзжав-

целу изъ Задонска Антоушка, развозила его повсюду, принимала посѣтителей и, собирая обильную дань во имя Антоушки, подблалась кое-чѣмъ съ прѣзжавшими въ Воронежъ его родными. Худощавый и слабо-сильный отъ природы, Антоушка былъ совершенный ребенокъ; при полномъ отсутствіи разсудка, онъ рѣдко говорилъ; если же проговаривалъ что-нибудь да два-три слова, то уже твердилъ ихъ нѣсколько разъ безостановочно. Вотъ образецъ пророчества Антоушки, сообщенный однимъ изъ членовъ семейства, въ которомъ совершались слѣдующія факты. Въ 183... году семейство богатаго и уважаемаго въ городѣ купца *И. И. С-ва* пожелало богатнаго присутствія Антоушки, за которымъ нослади экипажъ. Молодые члены семейства и особенно сыновья г. С-ва, учившіеся въ то время въ гимназій, желали видѣть Антоушку просто изъ любопытства; но старички и старушки ждали его съ полнымъ убѣжденіемъ въ его святости и потому нѣкоторые изъ нихъ во все время ожиданія, затворившись,

усердно клали земные поклоны, прося Госюда о томъ, чтобы Онъ сподобилъ достойно встрѣтить лже-пророка. Послѣ этого когда раздался крикъ: «Ѣдетъ, Ѣдетъ!» всѣ вышли на крыльцо, ссадили желаннаго гостя съ пролетокъ, какъ дитя, и съ благоговѣніемъ ввели его подъ руки въ комнату. Антонушка былъ въ старомъ армякѣ, въ шапкѣ и рукавицахъ. По срединѣ комнаты встрѣтила его почтенная старушка, глава семейства; она съ подобающею честью протянула къ нему сложенные одна на другую руки, преклонила голову и сказала: «Благословите, Антонушка!» Между тѣмъ Антонушка, едва переступивъ порогъ, началъ повторять: *Чи собаки брешуть? Чи собаки брешуть?* Просившую благословенія старушку, не снимая рукавицъ, онъ слегка ударилъ по щекѣ; сконфуженная неожиданной выходкой дурачка, она отвернулась въ сторону, потеряла щеку и въ утѣшеніе себѣ сказала: *хорошо, что еще не дерется!* Затѣмъ посадили Антонушку на переднее мѣсто подъ образа. Члены семейства

желаая каждый услышать предсказаніе о будущемъ, выходили по одиночкѣ изъ другой комнаты и показывались Антонущкѣ. При входѣ одного изъ сыновей г. С-ва, онъ началъ повторять: *паромы плывуть... паромы плывуть.* . Вышла дѣвушка, Антонъ заговорилъ: *Чи дивка безъ котовъ пришла? Чи дивка безъ котовъ пришла?* При появленіи другой, онъ сказалъ: *вари кулешу, вари кулешу.* Купцу Ш-ну, родственнику С-ва, Антонъ прорекъ: *Чи мене на поселенье сошлють? Чи мене на поселенье сошлють?* Антонущку почествовали чѣмъ Богъ послалъ и отвезли во свояси. Вотъ полный актъ его предсказанія, приѣзда, и отъѣзда, сопровождавшихся толпою народа, собравшагося у воротъ С-ва. Въ другой разъ едва привезли Антонущку на дворъ, онъ расплакался, какъ дитя, и не хотѣлъ сойти съ пролетокъ; его насильно втащили въ комнату, но онъ вырвался и побѣжалъ къ воротамъ, которыя оказались затворенными; онъ бросился въ подворотню, но одинъ изъ сыновей г.

С-ва схватилъ его за ноги и втащилъ обратно на дворъ. Начали ублажать Антонушку, какъ ребенка: уговаривали, кáтали по двору на пролеткѣ, но ни что не помогало: онъ рвался и плакалъ. Послали наконецъ за его опекуницей, которая, покатавшись съ нимъ по двору, вошла въ комнату и съ таинственнымъ благоговѣніемъ объявила, что Антонушка не расположенъ сегодня *говорить*, съ тѣмъ и увезла его домой. Мы сами, въ ранніе годы нашей юности, выдали его въ Задонскомъ монастырѣ. Какъ теперь представляется намъ фигура этого старичка съ включенными волосами, въ сѣромъ, низко подпоясанномъ кафтанишкѣ, съ каменьями и всякой дрянью за пазухой. Вотъ онъ сходитъ съ церковной паперти, его окружаетъ толпа женщинъ и дѣтей всѣхъ сословій и съ благоговѣніемъ цѣлуетъ его грязныя руки. Антонушка умеръ въ Задонскѣ и погребенъ въ тамошнемъ монастырѣ. Рассказываютъ, что въ день погребенія въ рукахъ его—неизвѣстно откуда—явился залечатаиный

пакетъ съ надписью: *на погребеніе Анто-
нушки*; въ пакетѣ найдено 300 руб. Ловкіе
люди обратили и этотъ простой случай въ
чудо, вѣроятно для того, чтобы пробавлять-
ся кое-чѣмъ въ память Антонюшки.

КИРЮША.

Крестьянинъ одного изъ торговыхъ сель Борисоглѣбскаго уѣзда, въ полномъ умѣ и здравой памяти, сбросилъ съ головы шапку, разулся, остригся гладко подъ гребенку, обрилъ бороду, нарядился въ демикутонное черное полукафтанье, опоясался ремнемъ, и въ такомъ видѣ явился на стогнахъ города Воронежа. Это былъ лже-пророкъ двухъ губернскихъ городовъ Воронежа и Тулы—знаменитый *мимо-блаженный Кирюша*. Остриженный и обритый, онъ во всякое время года ходилъ босой, безъ шапки, въ легкомъ полукафтаньѣ; въ правой рукѣ его постоянно имѣлся жезлъ съ привязаннымъ на кощѣ букетомъ свѣжихъ цвѣтовъ; палка эта была внутри пустая, наполненная свинцомъ, что придавало ей особенную тяжесть;

букетъ цвѣтовъ имѣлъ онъ постоянно свѣ-
жій, даже и зимою, чѣмъ конечно обязанъ
былъ своимъ почитателямъ прекраснаго пола.
Свѣжее, румяное лицо Кирюши цвѣло здоро-
вьемъ; чтобы искуснѣе обморочить почтенную
публику, онъ притворился нѣмымъ, и при
явленіи въ Воронежъ болѣе года не гово-
рилъ ни слова. Но когда, по соображенію
его, настало время окончательно дурачить
суетворъ, то онъ заговорилъ. Конечно, эта
выходка всѣхъ поразила; заговорилъ, такъ
уже не спроста! Кирюша въ свою очередь
тоже смекнулъ, чего отъ него ожидаютъ.
Нѣсколько удачно сказанныхъ по извѣстнымъ
обстоятельствамъ фразъ доставили Кирюшѣ
громкую славу пророка и открыли ему двери
богатыхъ домовъ Воронежа, гдѣ онъ пользо-
вался всевозможными даніями и разъѣзжалъ
въ богатыхъ экипажахъ. Преимущественно
баловало Кирюшу купечество. Одно время
жилъ онъ съ годъ въ домѣ почетныхъ граж-
данъ А-хъ; въ нижнемъ этажѣ ему была
отведена особая комната. Зная, что всѣ до-

машинѣ отъ прислуги до хозяевъ жадно слѣ-
 дять за каждымъ его движеніемъ, Кирюша
 велъ себя осторожно. Каждый вечеръ онъ
 затворялся въ комнату и усердно клалъ земные
 поклоны. Любопытные съ самаго начала вечера
 смотрѣли на его занятія въ дверную скважину,
 и блаженный, чтобы отвязаться отъ докучли-
 ваго любопытства, поражалъ иногда слѣдую-
 щимъ печальнымъ возгласомъ: «знаю, знаю,
 что вы на меня смотрите!...» Публика, внут-
 ренно укоряя себя въ грѣшномъ любопытствѣ,
 крестилась и со страхомъ расходилась по
 своимъ мѣстамъ. Одинъ только человекъ
 въ домъ А-ыхъ не стѣснялся лже-про-
 роческими возгласами, прилѣжней и долѣе
 всѣхъ наблюдалъ за Кирюшей по ночамъ и
 не остался отъ того въ накладѣ. Это былъ
 кучеръ Николай. Вѣроятно, подсмотрѣвъ ко-
 гда-нибудь по позднѣй, что Кирюша, послѣ
 богомолья имѣлъ привычку пересчитывать
 свою выручку, онъ добрался какъ-то до нея
 и потянулъ весь капиталъ псевдо-пророка.
 Въ одну полночь, когда кучеръ Николай не

паходилъ уже ничего любопытнаго въ надзорѣ за Кирюшей, послѣдній поднялъ страшный гвалтъ въ домѣ; всѣ проснулись и сбѣжались на крикъ. Кирюша бѣсновался и чуть не лѣзъ на стѣну; но о деньгахъ ни полслова. «Пустите меня вонъ отсюда!» кричалъ онъ неистово: не хочу больше здѣсь оставаться...» Послѣ уже узнали отъ него же о продѣлкѣ кучера Николая. Нерѣдко, соскучившись въ Воронежѣ, Кирюша отпраплялся въ Тулу, гдѣ и имѣлъ постоянное пребываніе въ домѣ богатаго купца Д-на; тамъ отводилась ему особая комната, которая и носила названіе *Кирюшиной*. Въ Тулѣ онъ пользовался не меньшею популярностію, какъ и въ Воронежѣ. Въ тотъ годъ, когда въ Тулѣ былъ большой пожаръ, Кирюша, передъ отходомъ своимъ въ Воронежѣ, былъ въ домѣ извѣстнаго купца М-ва: посмотрѣвши въ окна, онъ указалъ на городъ и проговорилъ: *скоро скоро, будетъ большая суета... все будетъ чисто...* Спустя немного времени по уходѣ Кирюши изъ Тулы, городъ

сгорѣлъ; слава же-пророка утвердилась еще прочнѣе. Но не одна Тула платила дань суевѣрнаго поклоненія воронежскому же-пророку: Москва также почтила его въ лицѣ богатой княгини N. Приѣзжая въ Воронежъ на богомолье, г-жа N. познакомилась съ же-пророкомъ и уже не могла съ нимъ разстаться, она увезла его съ собою въ Москву, отвела ему въ своемъ домѣ особую комнату, которая постоянно вся была убрана цвѣтами. По волѣ Кирюши, всякая отцвѣтшая плошка тотчасъ же выносилась садовникомъ вонъ и замѣнялась новою, цвѣтущею. Такъ блаженствовалъ Кирюша цѣлый годъ. Наконецъ совѣсть заговорила въ немъ; постыдное ремесло же-пророка надоѣло ему; и вотъ онъ, превратившись опять въ крестьянина, обулся, отпустилъ волосы и бороду, надѣлъ сѣрый армякъ и шапку и отправился на родину. Теперь живетъ онъ въ одно изъ торговыхъ селъ Борисоглѣбскаго уѣзда, гдѣ сдѣлалъ на свой счетъ иконостасъ для сельской церкви; имѣетъ свой домъ съ хорошимъ садомъ и за-

нимается хозяйствомъ. 29-го Октября 1860 года, Кирилль, проѣздомъ чрезъ Воронежъ въ Тулу, по старой памяти, былъ въ гостяхъ у почет. гражд. А-ва, гдѣ когда-то онъ постоянно жилъ. За чаемъ, на вопросъ хозяина—приходить ли ему когда-нибудь охота блажить по прежнему?... онъ просто-душно отвѣчалъ: *Нѣтъ! подурачился, да и будетъ...* Замѣчательно, что по словамъ А-ва, изъ бывшего лже-пророка вышелъ хорошій цвѣтоводъ.

ФЕДОРЪ.

Въ пригородной слободѣ при дачѣ проживалъ фабричный крестьянинъ Федоръ, имѣвшій двухъ малолѣтнихъ сыновей. Изъ желанія сколотить себѣ и дѣтямъ легкими средствами капиталецъ, онъ началъ лже-юродствовать, чѣмъ и промышлялъ до самой смерти. Дѣти его выросли, начали торговать, имѣли уже достаточныя средства къ жизни; и, видя всю нелѣпность шарлатанства отца своего, употребляли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры — усадить его дома, или заставить взяться за дѣло; но *мнимо-блаженное* состояніе такъ глубоко пустило свои корни, вошло въ плоть и кровь Федора, что даже вліяніе полиціи оказалось надъ нимъ безуспѣшнымъ, и она махнула на него рукой. Юродствовавшій от-

нюдь не притворялся дурачкомъ, но корчилъ изъ себя *благодатствованнаго* челоуѣка. Онъ ходилъ въ черномъ, засаленномъ полукафтанѣ, съ длинными волосами, безъ шапки и босой во всякое время года. На головѣ у него былъ какой-то обручъ, обернутый черною сальною тряпицею, съ нашитымъ на ней позументнымъ крестикомъ; носилъ онъ длинную палку, съ желѣзнымъ на нижнемъ концѣ остріемъ, на верхнемъ же сдѣланъ былъ крестъ, обшитый шелковыми тряпичками, на которыхъ развѣшаны были металлическіе и стеклянные образки. Въ такомъ видѣ ходилъ онъ свободно по улицамъ, площадямъ, церквямъ и монастырямъ города, громко распѣвалъ духовные псалмы. Нерѣдко случалось, что пѣніемъ своимъ нарушалъ онъ порядокъ церковныхъ службы и съ желавшими воздержать его вступалъ въ громогласный споръ. Обыкновеннымъ мѣстомъ пребыванія его была монастырская галлерей, въ извѣстныхъ времена года биткомъ набитая богомольцами изъ селъ и деревень. Иногда онъ громко пѣлъ, а

иногда молча молился Богу, дѣлая размахистые кресты съ сильными ударами по головѣ, груди и плечамъ; земные поклоны его сопровождались сильнымъ стуканьемъ лбомъ объ полъ. Около него группировались толпы любопытныхъ богомольцевъ и надѣляли его милостынею, приговаривая: помяни за упокой или за здравіе такого-то; Федоръ молча бралъ деньги и громко творилъ поминовение. По окончаніи церковной службы, когда весь народъ скопился около монастыря, онъ становился среди монастырской площади, оставлялъ одну руку съ жезломъ для цѣлованія креста въ тряпицахъ, гдѣ по словамъ его зашиты были частицы мошей, а другую протягивалъ для сбора денегъ. Каждый богомолецъ подходилъ, прикладывался къ образамъ на паличѣ и давалъ грошъ. Безпрерывный перечень душъ, которыхъ онъ обявлялся поминать, надоѣдалъ ему; и вотъ, едва крестьянинъ, или крестьянка откроетъ ротъ и успѣетъ вымолвить «помяни...» святоша прерываетъ начатую фразу лаконическими возгласами, съ

киваньемъ головой, знаю!... знаю, кого!... знаю.... Удивленные богомольцы благоговѣнно крестятся и шепчутся между собой: *вотъ ужъ подлинно-то святая душенька! ты только ротъ розинешь, а уже онъ и знаетъ кого нужно помянуть...* Этотъ потаскушва слылъ за предсказателя только у однихъ прїѣзжихъ господъ, которые нерѣдко посылали за нимъ экипажи; въ глазахъ же коренныхъ жителей Воронежа онъ не имѣлъ ровно никакого значенія.

ОТЕЦЪ СЕРАФИМЪ.

Последнее нашествіе блаженнаго фокусника на Воронежъ было въ 1859 году. Государственный крестьянинъ Нижнедѣвицаго уѣзда, села Везноватки, Ермилъ Сидоровъ, бросивъ жену и семейство, преобразовался въ какого-то *отца Серафима*, и пошелъ таскаться сначала по деревнямъ и уѣзднымъ городамъ, а потомъ пожаловалъ на вакантное мѣсто въ Воронежъ. Хорошо обутый, одѣтый въ суконное полукафтанье, съ монашеской скуфейкой на головѣ, скоро втерся онъ въ нѣсколько купеческихъ домовъ, гдѣ и пророчествовалъ, какъ только доставало умѣнья. Одна почтенная старушка, купеческая вдова В-ва, имѣя собственный каменный домъ, приютила у себя отца Серафима. При

домъ ея былъ садъ, въ которомъ находился Флигелекъ въ одну комнату; въ немъ-то и носелился Серафимъ. Съ В-вою жилъ ея сынъ холостой человекъ, да прикащикъ,—племянничекъ ея Григорій К-нъ. Каждую ночь сынъ В-й, послѣ ужина, прощаясь на сонъ грядущій съ матерью, обращался къ ней съ вопросомъ: «Маменька! позвольте мнѣ пойти къ отцу Серафиму помолиться Богу?» Ну что-жь! ступай, Христось съ тобою! было обычнымъ отвѣтомъ. Въ одинъ вечеръ сынъ ранѣе обыкновеннаго обратился къ матери съ подобною просьбою. Мать, хотя и благословила его, но подушка, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ и которую никогда не бралъ съ собою прежде, поселила въ ней какое-то безотчетное подозрѣніе. Спустя часа два, мучимая разными предположеніями и сомнѣніями (сынъ любилъ немножко погутить), старушка позвала къ себѣ прикащика. «Гриша, а Гриша! поди, матушка, посмотри—что мой Ваня дѣлаетъ у отца Серафима». Гриша, мужчина лѣтъ сорока семи, тотчасъ

же отправился по порученію въ садъ, гдѣ подоидя къ дверямъ кельи, по обычаю монастырскому пренаивно проговорилъ на распѣвъ входную фразу: « Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!...» Аминь! отвѣчалъ голосъ за дверью. Гриша взмошелъ и остолбенѣлъ отъ удивленія: на столѣ былъ штофъ водки и осетрина, а за столомъ сидѣла мертвецки пьяная женщина; Ваня былъ не въ лучшемъ положеніи; Серафимъ однакожь не былъ пьянъ. Все видѣнное Гришей было передано старушкѣ В-ой, и Серафима прогнали вонъ.

Изъ дома одного чиновника, гдѣ было нашелъ пристанище отецъ Серафимъ, выгнали его за то, что онъ, не смотря на тяжесть носимыхъ имъ веригъ, слишкомъ уже наглядно началъ ухаживать за хозяйкою въ отсутствіи ея мужа. Молоденькая купеческая жена О. Е. Ф-ва, кончившая курсъ въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, но сильно зараженная пустосвятствомъ, очень ласково принимала Серафима и благоговѣнно

выслушивала всю чушь, которую онъ городилъ ей. Вотъ что разсказывала о мнимомъ пророчествѣ Серафима молодая дама А-ва, хорошая знакомая Ф-ой. У мужа А-ой пропали изъ комнаты деньги; пока производился розыскъ ихъ полиціею, А-ва съ своей сестрою дѣвушкою, зная, что у Ф-вой будетъ Серафимъ, отправились туда изъ любопытства испытать его пророчество. При входѣ А-вой съ сестрою, Серафима поили чаемъ и онъ, обращаясь къ хозяйкѣ, говорилъ: «Ты мнѣ послаже, послаже налей; положи побольше сахару, да варенья; не жалѣй! Не жалѣй...» Потомъ, не обращая вниманія на вошедшихъ, онъ сказалъ: «Вотъ пришли! Они думаютъ, что я цыганъ, буду имъ воровать о деньгахъ. Деньги украла рыжая дѣвка! «Но эта меткая фраза не одурачила г-жи А-ой: она сейчасъ же догадалась, что плутъ Серафимъ уже слышалъ о пропажѣ денегъ изъ разговоровъ сестры ея, часто бывающей у Ф-ой, и потому не обратила особеннаго вниманія ни на лже-пророка, ни

на пророчество. Серафимъ показывалъ при-
 ѣхавшимъ свою скуфейку и говорилъ, что
 она необыкновенная, а желѣзная; показы-
 валъ также вериги; называлъ сестру А-ой
 своею невѣстою, становился съ нею передъ
 образами и, снявши съ ея пальца золотой
 перстень, надѣлъ его себѣ, и сказалъ, что
 теперь уже они обручены другъ другу. Пер-
 стень онъ унесъ съ собою и не отдалъ на-
 задъ. Удивительно, откуда могъ достать
 полную одежду схимника. Особенность по-
 кроя и всѣ малѣйшія подробности ея не
 могли быть извѣстны обыкновенному порт-
 ному, тѣмъ болѣе, что, [сколько мы зна-
 емъ Воронежъ и его монастыри, никто изъ
 монашествующихъ не принималъ на себя
 схимническаго сана. Схимну надѣвалъ на
 себя Серафимъ только лишь въ кельи, во
 время богомолья. Не долго, однакожъ, по-
 шатался по Воронежю этотъ обманщикъ; вѣ-
 роятно, онъ увидѣлъ, что продѣлки его съ каж-
 дымъ годомъ будутъ все болѣе и болѣе те-
 рять свою цѣну, а потому покинулъ Во-
 ронежъ и, какъ говорятъ, отправился въ Москву.

БОРОДАТЫЙ МУЖИКЪ.

Въ одно время въ Воронежѣ мракъ суевѣрія до такой степени распространился, что даже сама полиція прибѣгала къ его помощи. Въ 18.. году, у полковника Л—го, была украдена шкатулка съ драгоценными вещами. Л—й на другой же день обратился съ просьбою о розыскѣ вещей прямо къ губернатору, который тотчасъ же приказалъ полиціи принять всѣ мѣры къ отысканію. Должность полиційместера временно исполнялъ въ то время состоявшій при губернаторѣ для особыхъ порученій подполковникъ В. А. П—въ. Ревностное желаніе угодить начальнику, блеснуть предъ обществомъ своими юридическими знаніями и полицей-

скимъ соображеніемъ, подвинули П—ва принять живѣйшее участіе въ розыскѣ. Онъ сбиль съ ногъ всю полицію, измучился и самъ, но вещи, какъ въ воду канули, даже слѣда не открыли. П—въ сталъ въ тупикъ. Думалъ, думалъ онъ и наконецъ попалъ на счастливую мысль: пригородныя слободы Воронежа богаты знаменитыми ворожеями и знахарями, которые многимъ угадываютъ о пропажахъ; будемъ и мы гадать; и деть! воскликнулъ П—въ и лице его просіяло надеждою. Выписанъ былъ извѣстнѣйшій по этой части знахарь, бородатый мужикъ въ смуromъ армякѣ. Привезли его прямо въ одну изъ городскихъ частей и помѣстили въ канцелярію; мужикъ объявилъ, что гаданье должно быть *на тощее сердце*. На утро подполковникъ П—въ, ратманъ полиціи, купецъ А., частный приставъ, квартальные и канцелярскіе служители собрались въ канцелярію части и съ покорностію ожидали вѣщихъ словъ мага. Бородатый плуть потребовалъ миску чистой воды, поставилъ ее на столъ

подъ образами и началъ что-то нашептывать. Окончивъ свои заклинанія, онъ отступилъ шага на три отъ стола съ мискою, обратился къ присутствующимъ и съ суровою таинственностію сказалъ «Молитесь всѣ до единого въ землю!»—Чудная была картина: здоровый мужичище дѣлалъ размашистые кресты и стучалъ лбомъ объ полъ; за нимъ съ благоговѣйнымъ смиреніемъ, усердно клали земные поклоны подполковникъ П—въ, частный приставъ, ратманъ и всѣ предстоящіе. Когда окончилась молитва, знахарь взялъ миску и сталъ смотрѣть въ воду. П—въ, наостривъ уши, весь превратился во вниманіе. Знахарь описалъ примѣты вора, объявилъ признаки мѣста его жительства и сказавъ о томъ, гдѣ спрятаны вещи, —распустилъ честную компанію. П—въ раскинувшись умомъ-разумомъ и посовѣтовавшись съ кѣмъ нужно, приискалъ вора по примѣтамъ и сейчасъ же нагрязнулъ на какой-то домишко. Всполошили всѣхъ сосѣдей, перепугали хозяевъ дома, перевернули все верхъ дномъ, но не только вещей,

даже и слѣдовъ подозрѣнія не отыскали.
Поѣхалъ П—въ, понуривши голову и чуть
не плача; но знахаря, говорятъ, маленько по-
сѣгли, да и отпустили во свояси.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Иванъ Яковлевичъ.	3
Семенъ Митричъ.	38
Давилушка Коломенскій.	45
Макаръевна.	55
Мандрыга.	61
Николаша дурачокъ.	63
Матюша.	67
Евдокія Тамбовская.	71

Ксенофонтъ Пехорскій.	73
Феодосій.	76
Петръ Устюжскій.	77
Отецъ Гаврилъ Афонскій.	79
Маша Бусинская, пещерокопательница.	85
Отецъ Андрей.	90
Иванъ Степанычъ.	96
Татьяна Степановна босоножка и Фи-	
липушка.	101
Марья Ивановна Скачкова, дѣйствующая водоѣ.	107
Агаша.	114
Марфа Герасимовна.	417
Иванъ Степанычъ.	211
Бирюша.	125

Никаноръ.	130
Антонушка.	133
2-й Кирюша.	140
Федоръ.	146
Отецъ Серафимъ.	150
Бородатый мужикъ.	155

У КНИГОПРОДАВЦА

Д. И. ПРѢСНОВА,

въ *Москвѣ*, на *Никольской улицѣ*.

ПРОДАЮТСЯ МЕЖДУ ПРОЧИМЪ:

Двадцать шесть Московскихъ лже-пророковъ, лже-юродивыхъ, дурь и дураковъ. Изданіе Н. Баркова. Цѣна 1 р. съ пересылкою.

Ищѣе на Святой Руси, Нв. Прыжова. Цѣна 50 коп. съ пересылкою.

Царица Прасковья (1664—1723). Очеркъ изъ русской исторіи М. Семевского. Цѣна 1 р. съ перес.

Семейство Менсовъ (1688—1724). Очеркъ изъ русской исторіи М. Семевского. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Южно-русскій (малороссійскій) журналъ, Основы, издававшійся въ 1861 и 1862 годахъ, по двѣнадцати книгъ въ годъ. Цѣна 10 р. съ перес.

Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, Есипова. Два тома. Цѣна 4 р. 50 к. съ перес.

Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ излобукѣ и сказаніе о хранительномъ быліи, мераномъ велии, еже есть табацъ. Изданіе Д. Е. Кожанникова. Цѣна 1 р. съ перес.

Земство и расколъ, А. Щацова. Цѣна 1 р. съ пересылкою.

Разказы изъ русской исторіи, П. Бѣяева. Два тома (второй томъ—Новгородъ). Цѣна 4 р. 50 к. съ пересылкою.

Крестьяне на Руси, изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ, И. Бѣяева. Цѣна 2 р. съ перес.

Очеркъ домашней жизни и нравовъ Велико-русскаго народа въ ХOI и ХOII столѣтіяхъ, Н. Бостомарова. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересыл.

Народныя сказки, собранныя братьями Гримми. Переводъ съ Нѣмецкаго. 8 выпускъ. Цѣна 3 р. съ перес.

Памятники народного быта Болгаръ, изданные подъ редакцію А. Каравелова и И. Прыжова. Цѣна 2 р. съ перес.

Записки о Южной Руси (Малороссіи) П. Кулиша. Два тома. Цѣна 3 р. 50 к. съ перес.

Опытъ руководства для преподаванія грамоты по звуковому методу. Составилъ Л. Яценко. Цѣна 10 к. съ перес.

Повѣсти (народныя оповѣданія) Марка Вовчка. Цѣна 75 к. съ перес.

Повѣсти Марка Вовчка, переводъ съ Малороссійскаго Тургенева. Цѣна 75 к.

Сказки Марка Вовчка на рускомъ языкѣ. Цѣна 1 р. съ перес.

Архивъ историческихъ и практическихъ свидѣній, относящихся до Россіи, Н. Калачова. Цѣна 3 р. 50 к. съ перес.

Исторія Русской Словесности, преимущественно древней, С. Шевырева. том. Цѣна 3 р. 50 к. съ перес.

Историческіе очерки русской народной словесности и искусства (преимущественно иконописи), Ф. Буслаява. Два тома, на лощеной бумагѣ, со множествомъ рисунковъ. Цѣна 8 руб. съ перес.

Народныя русскія сказки, А. Н. Афанасьева. Изданіе К. Солдатенкова. Восемь книгъ. Цѣна 9 р. съ перес.

Сказаніе о кончинѣ и погребеніи Московскихъ юродивыхъ Семена Митрича и Ивана Яковлевича. Цѣна 35 коп. съ перес.

О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго произведетва (густарной и домашней промышленности) въ западной Европѣ и Россіи, А. Корсава. Цѣна 2 р. съ перес.

Стоглавъ, изданный по рукописи половины 17-го вѣка, съ дополненіями изъ рукописи 1556 годъ. Изданіе Кожанчикова. Цѣна 2 р. 50 к. съ перес.

Песня, юмористическій журналъ. Цѣна 7 р. съ пересылкою.

Исторія Великаго Новгорода и Пскова (**Северо-русскія народоправства**), Н. Костоморова. Два тома. Цѣна 4 р. съ пересылкою.